

Час души. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://tsvetaevamarina.ru/> Приятного чтения!

Час души. Марина Ивановна Цветаева

«Моим стихам, написанным так рано...»
Моим стихам, написанным так рано,
что и не знала я, что я – поэт,
Сорвавшимся, как брызги из фонтана,
Как искры из ракет,
Ворвавшимся, как маленькие черти,
В святилище, где сон и фимиам,
Моим стихам о юности и смерти,
– Нечитанным стихам! –
Разбросанным в пыли по магазинам
(Где их никто не брал и не берет!),
Моим стихам, как драгоценным винам,
Настанет свой черед.
Май 1913

Коктебель

«Идешь, на меня похожий...»
Идешь, на меня похожий,
Глаза устремляя вниз.
Я их опускала – тоже!
Прохожий, остановись!
Прочти – слепоты куриной
И маков набрав букет,
что звали меня Мариной
и сколько мне было лет.
Не думай, что здесь – могила,
что я появлюсь, грозя...
я слишком сама любила
смеяться, когда нельзя!
и кровь приливала к коже,
и кудри мои вились...
я тоже была, прохожий!
Прохожий, остановись!
Сорви себе стебель дикий
и ягоду ему вслед, –
кладбищенской земляники
крупнее и слаще нет.
Но только не стой угрюмо,
главу опустив на грудь.
Легко обо мне подумай,
легко обо мне забудь.
Как луч тебя освещает!
Ты весь в золотой пыли...
– и пусть тебя не смущает
мой голос из-под земли.
3 мая 1913

Коктебель

«Вы, идущие мимо меня...»
Вы, идущие мимо меня
к не моим и сомнительным чарам, –
если б знали вы, сколько огня,
сколько жизни, растроченной даром,
и какой героический пыл
на случайную тень и на шорох...
и как сердце мне испепелил
этот даром истраченный порох.
О, летящие в ночь поезда,
уносящие сон на вокзале...

Час души. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Впрочем, знаю я, что и тогда
Не узнали бы вы – если б знали –
Почему мои речи резки
В вечном дыме моей папиросы, –
Сколько темной и грозной тоски
В голове моей светловолосой.
17 мая 1913

«Мальчиком, бегущим резво...»
Мальчиком, бегущим резво,
я предстала Вам.
Вы посмеивались трезво
Злым моим словам:
«Шалость – жизнь мне, имя – шалость!
Смейся, кто не глуп!»
И не видели усталость
Побледневших губ.
Вас притягивали луны
Двух огромных глаз.
– Слишком розовой и юной
я была для Вас!
Тающая легче снега,
я была – как сталь.
Мячик, прыгнувший с разбега
Прямо на рояль,
Скрип песка под зубом или
Стали по стеклу...
– Только Вы не уловили
Грозную стрелу
Легких слов моих, и нежность
Гнева напоказ...
Каменную безнадежность
Всех моих проказ!
19 мая 1913

«Я сейчас лежу ничком...»

Я сейчас лежу ничком
– Взбешенная! – на постели.
Если бы вы захотели
Быть моим учеником,
я бы стала в тот же миг
– Слышите, мой ученик? –
в золоте и серебре
Саламандра и Ундина.
Мы бы сели на ковре
У горящего камина.
Ночь, огонь и лунный лик...
– Слышите, мой ученик? –
И безудержно – мой конь
любит бешеную скачку! –
я метала бы в огонь
Прошлого – за пачкой пачку:
Старых роз и старых книг.
– Слышите, мой ученик? –
А когда бы улеглась
Эта пепельная грудка, –
Господи, какое чудо
я бы сделала из вас!
Юношей воскрес старик!
– Слышите, мой ученик? –
А когда бы вы опять
Бросились в капкан науки,
я осталась бы стоять,
Заломив от счастья руки,

Чувствуя, что ты – велик!

– Слышите, мой ученик?

1 июня 1913

«Уж сколько их упало в эту бездну...»
Уж сколько их упало в эту бездну,
Разверзтую вдали!
Настанет день, когда и я исчезну
С поверхности земли.
Застынет всё, что пело и боролось,
Сияло и рвалось:
И зелень глаз моих, и нежный голос,
И золото волос.
И будет жизнь с ее насущным хлебом,
С забывчивостью дня.
И будет всё – как будто бы под небом
И не было меня!
Изменчивой, как дети, в каждой mine,
И так недолго злой,
Любившей час, когда дрова в камине
Становятся золой,
Виолончель, и кавалькады в чаще,
И колокол в селе...
– Меня, такой живой и настоящей
На ласковой земле!
К вам всем – что мне, ни в чем
не знавшей меры,
Чужие и свои?! –
Я обращаюсь с требованием веры
И с просьбой о любви.
И день и ночь, и письменно и устно:
За правду да и нет,
За то, что мне так часто – слишком грустно
И только двадцать лет,
За то, что мне прямая неизбежность –
Прощение обид,
За всю мою безудержную нежность
И слишком гордый вид,
За быстроту стремительных событий,
За правду, за игру...
– Послушайте! – Еще меня любите
За то, что я умру.
8 декабря 1913

Генералам двенадцатого года
Сергею

Вы, чьи широкие шинели
Напоминали паруса,
Чьи шпоры весело звенели
И голоса,
И чьи глаза, как бриллианты,
На сердце оставляли след, –
Очаровательные франты
Минувших лет!
Одним ожесточеньем воли
Вы брали сердце и скалу, –
Цари на каждом бранном поле
И на балу.
Вас охраняла длань Господня
И сердце матери, – вчера
Малютки-мальчишки, сегодня –
Офицера!
Вам всё вершины были малы
И мягок самый черствый хлеб,
О, молодые генералы

Своих судеб!

.....
Ах, на гравюре полустертой,
В один великолепный миг,
Я видела, Тучков-четвертый,
Ваш нежный лик.
И Вашу хрупкую фигуру,
И золотые ордена...
И я, поцеловав гравюру,
Не знала сна...
О, как, мне кажется, могли вы
Рукою, полною перстней,
И кудри дев ласкать – и гривы
Своих коней.
В одной невероятной скачке
Вы прожили свой краткий век...
И ваши кудри, ваши бачки
Засыпал снег.
Три сотни побеждало – трое!
Лишь мертвый не вставал с земли.
Вы были дети и герои,
Вы всё могли!
Что так же трогательно-юно,
Как ваша бешеная рать?
Вас златокудрая Фортуна
Вела, как мать.
Вы побеждали и любили
Любовь и сабли острее –
И весело переходили
В небытие.
26 декабря 1913

Феодосия

«Я с вызовом ношу его кольцо!...»
С. Э.

Я с вызовом ношу его кольцо!
– Да, в Вечности – жена, не на бумаге! –
Чрезмерно узкое его лицо
Подобно шпаге.
Безмолвен рот его, углами вниз,
Мучительно-великолепны брови.
В его лице трагически слились
Две древних крови.
Он тонок первой тонкостью ветвей.
Его глаза – прекрасно-бесполезны! –
Под крыльями раскинутых бровей –
Две бездны.
В его лице я рыцарству верна,
– Всем вам, кто жил и умирал без страху! –
Такие – в роковые времена –
Слагают стансы – и идут на плаху.
3 июня 1914

Коктебель

Бабушке
Продолговатый и твердый овал,
Черного платья раструбы...
Юная бабушка! – Кто целовал
Ваши надменные губы?
Руки, которые в залах дворца
Вальсы Шопена играли...

По сторонам ледяного лица
Локоны, в виде спирали.
Темный, прямой и взыскательный взгляд.
Взгляд, к обороне готовый.
Юные женщины так не глядят.
Юная бабушка, кто Вы?
Сколько возможностей Вы унесли,
И невозможностей – сколько? –
В ненасытимую прорву земли,
Двадцатилетняя полька!
День был невинен, и ветер был свеж.
Темные звезды погасли.
– Бабушка! – Этот жестокий мятеж
В сердце моем – не от Вас ли?..
4 сентября 1914

Из цикла «Подруга»
С. Я. Парнок

1
Вы счастливы? – Не скажете! Едва ли!
И лучше – пусть!
Вы слишком многих, мнится, целовали,
Отсюда грусть.
Всех героинь шекспировских трагедий
Я вижу в Вас.
Вас, юная трагическая леди,
Никто не спас!
Вы так устали повторять любовный
Речитатив!
Чугунный обод на руке бескровной –
Красноречив!
Я Вас люблю. – Как грозовая туча
Над Вами – грех –
За то, что Вы язвительны, и жгучи
И лучше всех,
За то, что мы, что наши жизни – разны
Во тьме дорог,
За Ваши вдохновенные соблазны
И темный рок,
За то, что Вам, мой демон крутолобий,
Скажу прости,
За то, что Вас – хоть разорвись
над гробом! –
Уж не спасти!
За эту дрожь, за то – что – неужели
Мне снится сон? –
За эту ироническую прелесть,
что Вы – не он.
16 октября 1914

2
Под лаской плюшевого пледа
Вчерашний вызываю сон.
Что это было? – Чья победа? –
Кто побежден?
Все передумываю снова,
Всем перемучиваюсь вновь.
В том, для чего не знаю слова,
Была ль любовь?
Кто был охотник? – Кто – добыча?
Все дьявольски-наоборот!
Что понял, длительно мурлыча,
Сибирский кот?
В том поединке своеволий
Кто, в чьей руке был только мяч?

Час души. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Чье сердце – Ваше ли, мое ли
Летело вскачь?
И все-таки – что ж это было?
Чего так хочется и жаль?
Так и не знаю: победила ль?
Побеждена ль?
23 октября 1914

3

Вам одеваться было лень
И было лень вставать из кресел.
– А каждый Ваш грядущий день
Моим весельем был бы весел!
Особенно смущало Вас
Идти так поздно в ночь и холод.
– А каждый Ваш грядущий час
Моим весельем был бы молод!
Вы это сделали без зла,
Невинно и непоправимо.
– Я Вашей юностью была,
Которая проходит мимо.
25 октября 1914

4

Сини подмосковные холмы,
В воздухе чуть теплом – пыль и деготь.
Сплю весь день, весь день смеюсь, –
должно быть,
Выздоровливаю от зимы.
Я иду домой возможно тише.
Ненаписанных стихов – не жаль!
Стук колес и жареный миндаль
Мне дороже всех четверостиший.
Голова до прелести пуста,
Оттого что сердце – слишком полно!
Дни мои, как маленькие волны,
На которые гляжу с моста.
Чьи-то взгляды слишком уж нежны
В нежном воздухе, едва нагретом..
– Я уже заболеваю летом,
Еле выздоровев от зимы.
13 марта 1915

5

Есть имена, как душевные цветы,
И взгляды есть, как пляшущее пламя..
Есть темные извилистые рты
С глубокими и влажными углами.
Есть женщины. – Их волосы, как шлем,
Их веер пахнет гибельно и тонко.
Им тридцать лет. – Зачем тебе, зачем
Моя душа спартанского ребенка?
Вознесение, 1915

6

Хочу у зеркала, где муть
И сон туманящий,
Я выпытать – куда Вам путь
И где пристанище.
Я вижу: мачта корабля,
И Вы – на палубе..
Вы – в дыме поезда... Поля
В вечерней жалобе..
Вечерние поля в росе,
Над ними – вороны..

– Благословляю Вас на всё

Четыре стороны!

3 мая 1915

«Мне нравится, что Вы больны не мной...»
Мне нравится, что Вы больны не мной,
Мне нравится, что я больна не Вами,
Что никогда тяжелый шар земной
Не уплывет под нашими ногами.
Мне нравится, что можно быть смешной –
Распущенной – и не играть словами,
И не краснеть удушливой волной,
Слегка соприкоснувшись рукавами.
Мне нравится еще, что Вы при мне
Спокойно обнимаете другую,
Не прочтите мне в адовом огне
Гореть за то, что я не Вас целую.
Что имя нежное мое, мой нежный, не
Упоминаете ни днем, ни ночью – всуе...
Что никогда в церковной тишине
Не пропоют над нами: аллилуйя!
Спасибо Вам и сердцем и рукой
За то, что Вы меня – не зная сами! –
Так любите: за мой ночной покой,
За редкость встреч закатными часами,
За наши не-гулянья под луной,
За солнце, не у нас над головами, –
За то, что Вы больны – увы! – не мной,
За то, что я больна – увы! – не Вами!
3 мая 1915

«Какой-нибудь предок мой был – скрипач...»
Какой-нибудь предок мой был – скрипач,
Наездник и вор при этом.
Не потому ли мой нрав бродяч
И волосы пахнут ветром?
Не он ли, смуглый, крадет с арбы
Рукой моей – абрикосы,
Виновник страстной моей судьбы,
Курчавый и горбоносый?
Дивясь на пахаря за сохой,
Вертел между губ – шиповник.
Плохой товарищ он был, – лихой
И ласковый был любовник!
Любитель трубки, луны и бус
И всех молодых соседок...
Еще мне думается, что – трус
Был мой желтоглазый предок.
Что, душу чёрту продав за грош,
Он в полночь не шел кладбищем.
Еще мне думается, что нож
Носил он за голенищем,
Что не однажды из-за угла
Он прыгал, – как кошка гибкий...
И почему-то я поняла,
Что он – не играл на скрипке!
И было всё ему нипочем,
Как снег прошлогодний – летом!
Таким мой предок был скрипачом.
Я стала – таким поэтом.
23 июня 1915

Час души. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

«Я знаю правду! Все прежние правды – прочь!..»
Я знаю правду! Все прежние правды – прочь!
Не надо людям с людьми на земле бороться!
Смотрите: вечер, смотрите: уж скоро ночь.
О чем – поэты, любовники, полководцы?
Уж ветер стелется, уже земля в росе,
Уж скоро звездная в небе застынет вьюга,
И под землю скоро уснем мы все,
Кто на земле не давали уснуть друг другу.
3 октября 1915

«Два солнца стынут – о Господи, пощади!..»
Два солнца стынут – о Господи, пощади! –
Одно – на небе, другое – в моей груди.
Как эти солнца – прощу ли себе сама? –
Как эти солнца сводили меня с ума!
И оба стынут – не больно от их лучей!
И то остынет первым, что горячей.
5 октября 1915

«Цветок к груди приколот...»
Цветок к груди приколот,
Кто приколот – не помню.
Ненасытим мой голод
На грусть, на страсть, на смерть.
Виолончелью, скрипом
Дверей и звоном рюмок,
И лязгом шпор, и криком
Вечерних поездов,
Выстрелом на охоте
И бубенцами троек –
Зовете вы, зовете
Нелюбленные мной!
Но есть еще услада:
Я жду того, кто первый
Поймет меня, как надо –
И выстрелит в упор.
22 октября 1915

«Цыганская страсть разлуки!..»
Цыганская страсть разлуки!
Чуть встретишь – уж рвешься прочь.
Я лоб уронила в руки
И думаю, глядя в ночь:
Никто, в наших письмах роясь,
Не понял до глубины,
Как мы вероломны, то есть –
Как сами себе верны.
Октябрь 1915

«Никто ничего не отнял...»
Никто ничего не отнял –
Мне сладостно, что мы врозь!
Целую Вас через сотни
Разъединяющих верст.
Я знаю: наш дар – неравен.
Мой голос впервые – тих.
Что Вам, молодой Державин,
Мой невоспитанный стих!
На страшный полет крещу Вас:
– Лети, молодой орел!
Ты солнце стерпел, не щурясь, –
Юный ли взгляд мой тяжел?
Нежней и бесповоротней
Никто не глядел Вам вслед...
Целую Вас – через сотни
Разъединяющих лет.
12 февраля 1916

«Ты запрокидываешь голову...»
Ты запрокидываешь голову –
Затем, что ты гордец и враль.
Какого спутника веселого
Привел мне нынешний февраль!
Позвякивая карбованцами
И медленно пуская дым,
Торжественными чужестранцами
Проходим городом родным.
Чьи руки бережные трогали
Твои ресницы, красота,
Когда, и как, и кем, и много ли
Целованы твои уста –
Не спрашиваю. Дух мой алчущий
Переборол сию мечту.
В тебе божественного мальчика –
Десятилетнего я чту.
Помедлим у реки, полощущей
Цветные бусы фонарей.
Я доведу тебя до площади,
Видавшей отроков-царей...
Мальчишескую боль высвистывай
И сердце зажимай в горсти...
– Мой хладнокровный, мой неистовый
Вольноотпущенник – прости!
18 февраля 1916

«Откуда такая нежность?...»
Откуда такая нежность?
Не первые – эти кудри
Разглаживаю, и губы
Знавала – темней твоих.
Всходили и гасли звезды
(Откуда такая нежность?),
Всходили и гасли очи
У самых моих очей.
Еще не такие песни
Я слушала ночью темной
(Откуда такая нежность?) –
На самой груди певца.
Откуда такая нежность?
И что с нею делать, отрок
Лукавый, певец захожий,
С ресницами – нет длинней?
18 февраля 1916

«Люди на душу мою льстятся...»
Люди на душу мою льстятся,
Нежных имен у меня – святцы.
А восприемников за душой –
Цельный, поди, монастырь мужской!
Уж и священники эти льстивы!
Каждый-то день у меня крестины!
Этот – орлицей, синицей – тот, –
Всяк по-иному меня зовет.
У тяжелейшей из всех преступниц –
Сколько заступников и заступниц!
Лягут со мною на вечный сон
Нежные святцы моих имен.
Звали – равно, называли – разное,
Все называли, никто не называл.
6 апреля 1916

Из цикла «Бессонница»

1

Руки люблю
Целовать, и люблю
Имена раздавать,
И еще – раскрывать
Двери!
– Настежь – в темную ночь!
Голову сжав,
Слушать, как тяжкий шаг
Где-то легчает,
Как ветер качает
Сонный, бессонный
Лес.
Ах, ночь!
Где-то бегут ключи,
Ко сну – клонит.
Сплю почти.
Где-то в ночи
Человек тонет.
27 мая 1916

2

В огромном городе моем – ночь.
Из дома сонного иду – прочь.
И люди думают: жена, дочь, –
А я запомнила одно: ночь.
Июльский ветер мне метет – путь,
И где-то музыка в окне – чуть.
Ах, нынче ветру до зари – дуть
Сквозь стенки тонкие груди! – в грудь.
Есть черный тополь, и в окне – свет,
И звон на башне, и в руке – цвет,
И шаг вот этот – никому – вслед,
И тень вот эта, а меня – нет.
Огни – как нити золотых бус,
Ночного листика во рту – вкус.
Освободите от дневных уз,
Друзья, поймите, что я вам – снюсь.
17 июля 1916

Москва

3

После бессонной ночи слабеет тело,
Милым становится и не своим, – ничьим.
В медленных жилах еще занывают стрелы –
И улыбаешься людям, как серафим.
После бессонной ночи слабеют руки,
И глубоко равнодушен и враг и друг.
Целая радуга в каждом случайном звуке,
И на морозе флоренцией пахнет вдруг.
Нежно светлеют губы, и тень золоче
Возле запавших глаз. Это ночь зажгла
Этот светлейший лик, – и от темной ночи
Только одно темнеет у нас – глаза.
19 июля 1916

4

Нынче я гость небесный
В стране твоей.
Я видела бессонницу леса
И сон полей.
Где-то в ночи подковы
Взрывали траву.
Тяжко вздохнула корова
В сонном хлеву.
Расскажу тебе с грустью,

Час души. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

С нежностью всей,
Про сторожа-гуся
И спящих гусей.
Руки тонули в песьей шерсти,
Пес был – сед.
Потом, к шести,
Начался рассвет.
20 июля 1916

5

Вот опять окно,
Где опять не спят.
Может – пьют вино,
Может – так сидят.
Или просто – рук
Не разнимут двое.
В каждом доме, друг,
Есть окно такое.
Крик разлук и встреч –
Ты, окно в ночи!
Может – сотни свеч,
Может – три свечи...
Нет и нет уму
Моему – покоя.
И в моем дому
Завелось такое.
Помолись, дружок, за бессонный дом,
За окно с огнем!
23 декабря 1916

Из цикла «Стихи к Блоку»

1

Имя твое – птица в руке,
Имя твое – льдинка на языке.
Одно-единственное движенье губ.
Имя твое – пять букв.
Мячик, пойманный на лету,
Серебряный бубенец во рту.
Камень, кинутый в тихий пруд,
Всхлипнет так, как тебя зовут.
В легком щелканье ночных копыт
Громкое имя твое гремит.
И назовет его нам в висок
Звонко щелкающий курок.
Имя твое – ах, нельзя! –
Имя твое – поцелуй в глаза,
В нежную стужу недвижных век.
Имя твое – поцелуй в снег.
Ключевой, ледяной, голубой глоток.
С именем твоим – сон глубок.
15 апреля 1916

2

Нежный призрак,
Рыцарь без укоризны,
Кем ты призван
В мою молодую жизнь?
Во мгле – сизой
Стоишь, ризой
Снеговой одет.
То не ветер
Гонит меня по городу.
Ох, уж третий

Вечер я чую вóрога.
Голубоглазый –
Меня – сглазил
Снеговой певец.
Снежный лебедь
Мне под ноги перья стелет.
Перья реют
И медленно никнут в снег.
Так, по перьям,
Иду к двери,
За которой – смерть.
Он поет мне
За синими окнами,
Он поет мне
Бубенцами далекими,
Длинным криком,
Лебединым кликом –
Зовет.
Милый призрак!
Я знаю, что всё мне снится.
Сделай милость:
Аминь, аминь, рассыпья!
Аминь.
1 мая 1916

3

Ты проходишь на запад солнца,
Ты увидишь вечерний свет.
Ты проходишь на запад солнца,
И метель замедляет след.
Мимо окон моих – бесстрастный –
Ты пройдешь в снеговой тиши,
Божий праведник мой прекрасный,
Свете тихий моей души!
Я на душу твою – не зарюсь!
Нерушима твоя стезя.
В руку, бледную от лобзаний,
Не вобью своего гвоздя.
И по имени не окликну,
И руками не потянусь.
Восковому, святому лику
Только издали поклонюсь.
И, под медленным снегом стоя,
Опущусь на колени в снег,
И во имя твое святое
Поцелую вечерний снег –
Там, где поступью величавой
Ты прошел в гробовой тиши,
Свете тихий – святая славы –
Вседержитель моей души.
2 мая 1916

4

Зверю – берлога,
Страннику – дорога,
Мертвому – дроги,
Каждому – свое.
Женщине – лукавить,
Царю – править,
Мне – славить
Имя твое.
2 мая 1916

5

Думали – человек!
И умереть заставили.
Умер теперь. Навек.
– Плачьте о мертвом ангеле!

Он на закате дня
Пел красоту вечернюю.
Три восковых огня
Треплются, суеверные.
Шли от него лучи –
Жаркие струны по! снегу.
Три восковых свечи –
Солнцу-то! Светоносному!
О поглядите – как
Веки ввалились темные!
О поглядите – как!
Крылья его поломаны!
Черный читает чтец,
Топчутся люди праздные...
– Мертвый лежит певец
И воскресенье празднует.
9 мая 1916

6
Должно быть – за той рощей
Деревня, где я жила,
Должно быть – любовь проще
И легче, чем я ждала.
– Эй, идола, чтоб вы сдохли! –
Привстал и занес кнут,
И окрику вслед – охлест,
И вновь бубенцы поют.
Над валким и жалким хлебом
За жердью встает – жердь,
И проволока под небом
Поет и поет смерть.
13 мая 1916

7
А над равниной –
Крик лебединый.
Мать, ужель не узнала сына?
Это с заоблачной – он – версты,
Это последнее – он – прости.
А над равниной –
Вещая вьюга.
Дева, ужель не узнала друга?
Рваные ризы, крыло в крови...
Это последнее он: живи!
Над окаянной –
Взлет осиянный.
Праведник душу урвал – осанна!
Каторжник койку-обрел-тепльнь,
Пасынок к матери в дом. – Аминь.
Между 15 и 25 августа 1921

Из цикла «Ахматовой»

1
О муза плача, прекраснейшая из муз!
О ты, шальное исчадие ночи белой!
Ты черную насылаешь метель на Русь,
И вопли твои вонзаются в нас, как стрелы.
И мы шарахаемся, и глухое: ох! –
Стотысячное – тебе присягает. – Анна
Ахматова! – Это имя – огромный вздох,
И в глубь он падает, которая безымянна.
Мы коронованы тем, что одну с тобой
Мы землю топчем, что небо над нами – то же!
И тот, кто ранен смертельной твоей судьбой,

Час души. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Уже бессмертным на смертное сходит ложе.
В певучем граде моем купола горят,
И Спаса светлого славит слепец бродячий...
– И я дарю тебе свой колокольный град,
Ахматова! – и сердце свое в придачу.
19 июня 1916

2

Охватила голову и стою, –
Что людские козни! –
Охватила голову и пою
На заре на поздней.
Ах, неистовая меня волна
Подняла на гребень!
Я тебя пою, что у нас – одна,
Как луна на небе!
Что, на сердце вороном налетев,
В облака вонзилась.
Горбоносую, чей смертелен гнев
И смертельна – милость.
Что и над червонным моим Кремлем
Свою ночь простерла,
Что певучей негою – как ремнем,
Мне стянула горло.
Ах, я счастлива! Никогда заря
Не сгорала – чище.
Ах, я счастлива, что, тебя даря,
Удаляюсь – нищей,
Что тебя, чей голос – о глубь! о мгла! –
Мне дыханье сузил,
Я впервые именем назвала
Царскосельской Музы.
22 июня 1916

3

Сколько спутников и друзей!
Ты никому не вторишь.
Правят юностью нежной сей –
Гордость и горечь.
Помнишь бешеный день в порту,
Южных ветров угрозы,
Рев Каспия – и во рту
Крылышко розы.
Как цыганка тебе дала
Камень в резной оправе,
Как цыганка тебе врала
Что-то о славе...
И – высоко у парусов –
Отрока в синей блузе.
Гром моря – и грозный зов
Раненой Музы.
25 июня 1916

4

Не отстать тебе. Я – острожник,
Ты – конвойный. Судьба одна.
И одна в пустоте порожней
Подорожная нам дана.
Уж и нрав у меня спокойный!
Уж и очи мои ясны!
Отпусти-ка меня, конвойный,
Прогуляться до той сосны!
26 июня 1916

5

Ты солнце в выси мне застишь,
Все звезды в твоей горсти!
Ах, если бы – двери настезь –

Как ветер к тебе войти!
И залепетать, и вспыхнуть,
И круто потупить взгляд,
И, всхлипывая, затихнуть –
Как в детстве, когда простят.
2 июля 1916

«Руки даны мне – протягивать каждому обе...»
Руки даны мне – протягивать каждому обе, –
Не удержать ни одной, губы – давать
имена,
Очи – не видеть, высокие брови над ними –
Нежно дивиться любви и – нежней –
нелюбви.
А этот колокол там, что кремлевских тяжеле,
Безостановочно ходит и ходит в груди, –
Это – кто знает? – не знаю, –
быть может, – должно быть –
Мне загоститься не дать на российской земле!
2 июля 1916

«Искательница приключений...»
Искательница приключений, –
Искатель подвигов – опять
Нам волей роковых стечений
Друг друга суждено узнать.
Но между нами – океан,
И весь твой лондонский туман,
И розы свадебного пира,
И доблестный британский лев,
И пятой заповеди гнев, –
И эта ветреная лира!
Мне и тогда на земле
Не было места!
Мне и тогда на земле
Всюду был дом.
– А вас ждала прелестная невеста
В поместье родовом.
По ночам, в дилижансе, –
И за бокалом Асти, –
Я слагала вам стансы
О прекрасной страсти.
Гнал веттурино,
Пиньи клонились: sa!ve![1]
Звали меня – Коринной,
Вас – Освальдом.
24 июля 1916

«Чтоб дойти до уст и ложа...»
Чтоб дойти до уст и ложа –
Мимо страшной церкви Божьей
Мне идти.
Мимо свадебных карет,
Похоронных дрог.
Ангельский запрет положен
На его порог.
– Так, в ночи ночей безлунных,
Мимо сторожей чугунных:
Зорких врат –
К двери светлой и певучей
Через ладанную тучу
Тороплюсь,
Как торопится от века
Мимо Бога – к человеку
Человек.
15 августа 1916

«Я тебя отвоюю у всех земель, у всех небес...»
Я тебя отвоюю у всех земель, у всех небес,
Оттого что лес – моя колыбель, и могила –
лес,
Оттого что я на земле стою – лишь одной
ногой,
Оттого что я о тебе спю – как никто другой.
Я тебя отвоюю у всех времен, у всех ночей,
У всех золотых знамен, у всех мечей,
Я ключи закину и псов прогоню с крыльца –
Оттого что в земной ночи! я вернее пса.
Я тебя отвоюю у всех других – у той, одной,
Ты не будешь ничей жених, я – ничьей
женой,
И в последнем споре возьму тебя –
замолчи! –
У того, с которым Иаков стоял в ночи.
Но пока тебе не скрещу на груди персты –
О проклятие! – у тебя остаешься – ты:
Два крыла твои, нацеленные в эфир, –
Оттого что мир – твоя колыбель,
и могила – мир!
15 августа 1916

«...Я бы хотела жить с Вами...»
...Я бы хотела жить с Вами
В маленьком городе,
Где вечные сумерки
И вечные колокола.
И в маленькой деревенской гостинице –
Тонкий звон
Старинных часов – как капельки времени.
И иногда, по вечерам, из какой-нибудь
мансарды –
Флейта,
И сам флейтист в окне.
И большие тюльпаны на окнах.
И, может быть, вы бы даже меня не любили...
.....
Посреди комнаты – огромная изразцовая
печка,
На каждом изразце – картинка:
Роза – сердце – корабль. –
А в единственном окне –
Снег, снег, снег.
Вы бы лежали – каким я вас люблю: ленивый,
Равнодушный, беспечный.
Изредка резкий треск
Спички.
Папироса горит и гаснет,
И долго-долго дрожит на ее краю
Серым коротким столбиком – пепел.
Вам даже лень его стряхивать –
И вся папироса летит в огонь.
10 декабря 1916

«Август – астры...»
Август – астры,
Август – звезды,
Август – грозди
Винограда, и рябины
Ржавой – август!
Полновесным, благосклонным

яблоком своим имперским,
Как дитя, играешь, август.
Как ладонью, гладишь сердце
Именем своим имперским:
Август! – Сердце!
Месяц поздних поцелуев,
Поздних роз и молний поздних!
Ливней звездных –
Август! – Месяц
ливней звездных!
7 февраля 1917

«Горечь! Горечь! Вечный привкус...»
Горечь! Горечь! Вечный привкус
На губах твоих, о страсть!
Горечь! Горечь! Вечный искус –
Окончательнее пасть.
Я от горечи – целую
Всех, кто молод и хорош.
Ты от горечи – другую
Ночью за руку ведешь.
С хлебом ем, с водой глотаю
Горечь-горе, горечь-грусть.
Есть одна трава такая
На лугах твоих, о Русь.
10 июня 1917

«Только живите! – Я уронила руки...»
Только живите! – Я уронила руки,
Я уронила на руки жаркий лоб.
Так молодая Буря слушает Бога –
Где-нибудь в поле, в какой-нибудь
темный час.
И на высокий вал моего дыханья
Властная вдруг – словно с неба –
ложится длань.
И на уста мои – чьи-то уста ложатся.
– Так молодую Бурю слушает Бог.
20 июня 1917

любви старинные туманы
1
Над черным очертаньем мыса –
Луна – как рыцарский доспех.
На пристани – цилиндр и мех,
Хотелось бы: поэт, актриса.
Огромное дыханье ветра,
Дыханье северных садов, –
И горестный, огромный вздох:
– Ne laissez pas traîner mes lettres! [2]

2
Так, руки заложив в карманы,
Стою. Синее водный путь.
– Опять любить кого-нибудь? –
Ты уезжаешь утром рано.
Горячие туманы Сити –
В глазах твоих. Вот так, ну вот...
Я буду помнить – только рот
и страстный возглас твой: – живите!

3
Смывает лучшие румяна –
Любовь. Попробуйте на вкус,
Как слезы – солоньки. Боюсь,
Я завтра утром – мертвой встану.
Из Индии пришлите камни.
Когда увидимся? – Во сне.
– Как ветрено! – Привет жене,
и той – зеленоглазой – даме.

4

Ревнивый ветер треплет шаль.
Мне этот час сужден – от века.
Я чувствую у рта и в веках
Почти звериную печаль.
Такая слабость вдоль колен!
– Так вот она, стрела Господня! –
– Какое зарево! – Сегодня
я буду бешеной Кармен.
...Так, руки заложив в карманы,
Стою. Меж нами океан.
Над городом – туман, туман.
Любви старинные туманы.
19 августа 1917

«Кавалер де Гриз! Напрасно...»
Кавалер де Гриз! Напрасно
Вы мечтаете о прекрасной,
Самовластной, в себе не властной,
Сладострастной своей Marion.
Вереницею вольной, томной
Мы выходим из ваших комнат.
Дольше вечера нас не помнят.
Покоритесь. – Таков закон.
Мы приходим из ночи вьюжной,
Нам от вас ничего не нужно,
Кроме ужина – и жемчужин,
Да, быть может, еще – души.
Долг и честь, Кавалер, – условность.
Дай вам бог – целый полк любовниц!
Изъявляя при сем готовность...
Страстно любящая вас
– М.
31 декабря 1917

Из цикла «Плащ»

1

Ночные ласточки Интриги –
Плащи! – Крылатые герои
Великосветских авантюр.
Плащ, щеголяющий дырою,
Плащ игрока и прощелыги,
Плащ-Проходимец, плащ-Амур.
Плащ, шаловливый, как руно,
Плащ, преклоняющий колено,
Плащ, уверяющий: – темно!
Гудки дозора. – Рокот Сены. –
Плащ Казановы, плащ Лозэна,
Антуанетты домино!
Но вот – как черт из черных чаш –
Плащ – чернокнижник, вихрь – плащ,
Плащ – вороном над стаей пестрой
Великосветских мотыльков,
Плащ цвета времени и снов –
Плащ Кавалера Калиостро!
10 марта 1918

3

Век коронованной Интриги,
Век проходимцев, век плаща!
– Век, коронованный Голгофой! –
Писали маленькие книги
Для куртизанок – филозофы.
Великосветского хлыща
Взмывало – умереть за благо.
Сверкал витийственной шпагой

За океаном – Лафайет.
А герцогини, лучший цвет
Вздыхателей обезоружив,
Согласно сердцу – и Руссо –
Купались в море детских кружев.
Катали девочки серсо,
С мундирами шептались Сестры..
Благоухали Тюилери..
А Королева-Колибри,
Нахмутив бровки, – до зари
Беседовала с Калиостро.
12 марта 1918

Психея

1

Не самозванка – я пришла домой,
И не служанка – мне не надо хлеба.
Я – страсть твоя, воскресный отдых твой,
Твой день седьмой, твое седьмое небо.
Там, на земле, мне подавали грош
И жерновов навешали на шею.
– Возлюбленный! – Ужель не узнаешь?
Я ласточка твоя – Психея!

2

На тебе, ласковый мой, лохмотья,
Бывшие некогда нежной плотью.
Всё истрепала, изорвала, –
Только осталось что два крыла.
Одень меня в свое великолепье,
Помилуй и спаси.
А бедные истлевшие отрепья –
Ты в ризницу снеси.
13 мая 1918

«Семь мечей пронзали сердце...»
Семь мечей пронзали сердце
Богородицы над Сыном.
Семь мечей пронзили сердце,
А мое – семижды семь.
Я не знаю, жив ли, нет ли
Тот, кто мне дороже сердца,
Тот, кто мне дороже Сына..
Этой песней – утешаюсь.
Если встретится – скажи.
25 мая 1918

«Я – есмь. Ты – будешь. Между нами...»
Я – есмь. Ты – будешь. Между нами –
бездна.
Я пью. Ты жаждешь. Сговориться –
тщетно.
Нас десять лет, нас сто тысячелетий
Разъединяют. – Бог мостов не строит.
Будь! – это заповедь моя. Дай – мимо
Пройти, дыханьем не нарушив роста.
Я – есмь. Ты будешь. Через десять весен
Ты скажешь: – есмь! – а я скажу: –
когда-то..
6 июня 1918

«Полюбил богатый – бедную...»
Полюбил богатый – бедную,
Полюбил ученый – глупую,
Полюбил румяный – бледную,
Полюбил хороший – вредную:
Золотой – полушку медную.
– Где, купец, твое роскошество?
«Во дырявом во лукошечке!»

Час души. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

– Где, гордец, твои учености?
«Под подушкой у девчоночки!»
– Где, красавец, щеки алые?
«За ночь черную – растаяли».
– Крест серебряный с цепочкою?
«У девчонки под сапожками!»
Не люби, богатый, – бедную,
Не люби, ученый, – глупую,
Не люби, румяный, – бледную,
Не люби, хороший, – вредную:
Золотой – полушку медную!
Между 21 и 26 мая 1918

«Умирая, не скажу: была...»
Умирая, не скажу: была.
И не жаль, и не ищу виновных.
Есть на свете поважней дела
Страстных бурь и подвигов любовных.
Ты – крылом стучавший в эту грудь,
Молодой виновник вдохновенья –
я тебе повелеваю: – будь!
я – не выйду из повиненья.
30 июня 1918

«Ночи без любимого – и ночи...»
Ночи без любимого – и ночи
С нелюбимым, и большие звезды
Над горячей головой, и руки,
Простирающиеся к Тому –
Кто от века не был – и не будет,
Кто не может быть – и должен быть...
И слеза ребенка по герою,
И слеза героя по ребенку,
И большие каменные горы
На груди того, кто должен – вниз...
Знаю всё, что было, всё, что будет,
Знаю всю глухонемую тайну,
Что на темном, на косноязычном
Языке людском зовется – Жизнь.
Между 30 июня и 6 июля 1918

«Я – страница твоему перу...»
Я – страница твоему перу.
Всё приму. Я – белая страница.
Я – хранитель твоему добру:
Возвращу, и возвращу сторицей.
Я – деревня, черная земля.
Ты мне – луч и дождевая влага.
Ты – Господь и Господин, а я –
Чернозем – и белая бумага!
10 июля 1918

«Как правая и левая рука...»
Как правая и левая рука –
Твоя душа моей душе близка.
Мы смежены, блаженно и тепло,
Как правое и левое крыло.
Но вихрь встает – и бездна пролегла
От правого – до левого крыла!
10 июля 1918

«Рыцарь ангелоподобный...»
Рыцарь ангелоподобный –
долг! – Небесный часовой!
Белый памятник надгробный
На моей груди живой.

За моей спиной крылатой
Вырастающий ключарь,
Еженощный соглядатай,
Ежеутренний звонарь...
Страсть, и юность, и гордыня –
Всё сдалось без мятежа,
Оттого что ты рабыне
Первый молвил: – Госпожа!
14 июля 1918

«Доблесть и девственность! – Сей союз...»
Доблесть и девственность! – Сей союз
Древен и дивен, как Смерть и Слава.
Красною кровью своей клянусь
И головою своей кудрявой –
Ноши не будет у этих плеч,
Кроме божественной ноши – Мира!
Нежную руку кладу на меч:
На лебединую шею Лиры.
27 июля 1918

«Мой день беспутен и нелеп...»
Мой день беспутен и нелеп:
У нищего прошу на хлеб,
Богатому даю на бедность,
В иголку продеваю – луч,
Грабителю вручаю – ключ,
Белилами румяню бледность.
Мне нищий хлеба не дает,
Богатый денег не берет,
Луч не вдевается в иголку,
Грабитель входит без ключа,
А дура плачет в три ручья –
Над днем без славы и без толку.
29 июля 1918

«Каждый стих – дитя любви...»
Каждый стих – дитя любви,
Нищий незаконнорожденный.
Первенец – у колеи
На поклон ветрам – положенный.
Сердцу – ад и алтарь,
Сердцу – рай и позор.
Кто – отец? Может – царь,
Может – царь, может – вор.
14 августа 1918

«Стихи растут, как звезды и как розы...»
Стихи растут, как звезды и как розы,
Как красота – ненужная в семье.
А на венцы и на апофеозы –
Один ответ: – Откуда мне сие?
Мы спим – и вот, сквозь каменные плиты,
Небесный гость в четыре лепестка.
О мир, пойми! Певцом – во сне – открыты
Закон звезды и формула цветка.
14 августа 1918

«Что другим не нужно – несите мне!»
Что другим не нужно – несите мне!
Всё должно сгореть на моем огне!
Я и жизнь маню, я и смерть маню
В легкий дар моему огню.
Пламень любит – легкие вещества:
Прошлогодний хворост – венки – слова.
Пламень – пышет с подобной пищи!
Вы ж восстанете – пепла чище!
Птица-феникс – я, только в огне пою!

Час души. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Поддержите высокую жизнь мою!
Высоко! горю – и горю дотла!
И да будет вам ночь – светла!
Ледяной костер, огневой фонтан!
Высоко несу свой высокий стан,
Высоко несу свой высокий сан –
Собеседницы и Наследницы!
2 сентября 1918

Из цикла «Комедьянт»

1

Не любовь, а лихорадка!
Легкий бой лукав и лжив.
Нынче тошно, завтра сладко,
Нынче помер, завтра жив.
Бой кипит. Смешно обоим:
Как умен – и как умна!
Героиней и героем
Я равно обольщена.
Жезл пастуший – или шпага?
Зритель, бой – или гавот?
Шаг вперед – назад три шага,
Шаг назад – и три вперед.
Рот как мед, в очах доверье,
Но уже взлетает бровь.
Не любовь, а лицемерье,
Лицедейство – не любовь!
И итогом этих (в скобках –
Несодеянных!) грехов –
Будет легонькая стопка
Восхитительных стихов.
20 ноября 1918

2

Мало ли запястий
Плелось, вилось?
Что тебе запястье
Мое – далось?
Всё кругом до около –
Что кот с мышом!
Нет, – очами, сокол мой,
Глядят – не ртом!
19 ноября 1918

3

Дружить со мной нельзя, любить меня –
не можно!
Прекрасные глаза, глядите осторожно!
Баркасу должно плыть, а мельнице – вертеться.
Тебе ль остановить кружасьее сердце?
Порукою тетрадь – не выйдешь господином!
Пристало ли вздыхать над действием
комедийным?
Любовный крест тяжел – и мы его не тронем.
Вчерашний день прошел –
и мы его хороним.
20 ноября 1918

4

Не успокоюсь, пока не увижу.
Не успокоюсь, пока не услышу.
Вашего взора пока не увижу,
Вашего слова пока не услышу.
Что-то не сходится – самая малость!
Кто мне в задаче исправит ошибку?
Солоно-солоно сердцу досталась
Сладкая-сладкая Ваша улыбка!
– Баба! – мне внуки на урне напишут.

И повторяю – упрямо и слабо:
Не успокоюсь, пока не услышу.
Не успокоюсь, пока не услышу.
23 ноября 1918

5

Вы столь забывчивы, сколь незабвенны.
– Ах, Вы похожи на улыбку Вашу!
Сказать еще? – Златого утра краше!
Сказать еще? – Один во всей вселенной!
Самой Любви молодой военнопленный,
Рукой Челлини ваянная чаша.
Друг, разрешите мне на лад старинный
Сказать любовь, нежнейшую на свете.
Я Вас люблю. – В камине воеет ветер.
Облокотясь – уставясь в жар каминный –
Я Вас люблю. Моя любовь невинна.
Я говорю, как маленькие дети.
Друг! Всё пройдет! – Виски в ладонях сжаты,
Жизнь разожмет! – Молодой военнопленный,
Любовь отпустит Вас, но – вдохновенный –
Всем пророкочет голос мой крылатый –
О том, что жили на земле когда-то
Вы, – столь забывчивый, сколь незабвенный!
25 ноября 1918

6

Короткий смешок,
Открывающий зубы,
И легкая наглость прищуренных глаз.
– Люблю вас! – Люблю ваши зубы и губы,
(Все это Вам сказано – тысячу раз!)
Еще полюбить я успела – постоит! –
Мне помнится: руки у вас хороши!
В долгу не останусь, за всё – успокойтесь –
Воздам неразменной деньгою души.
Посмейтесь! Пусть нынешней ночью
приснятся
Мне впадины чуть-улыбнувшихся щек.
Но даром – не надо! Давайте меняться:
Червонец за грошик: смешок – за стишок!
27 ноября 1918

7

Ваш нежный рот – сплошное целованье..
– И это всё, и я совсем как нищий.
Кто я теперь? – Единая? – Нет, тыща!
Завоеватель? – Нет, завоеванье!
Любовь ли это – или любованье,
Пера причуда – иль первопричина,
Томленье ли по ангельскому чину –
Иль чуточку притворства – по призванью..
– Души печаль, очей очарованье,
Пера ли росчерк – ах! – не все равно ли,
Как назовут сие уста – доколе
Ваш нежный рот – сплошное целованье!
Конец ноября 1918

8

Бренные губы и бренные руки
Слепо разрушили вечность мою.
С вечной Душою своею в разлуке –
Бренные губы и руки пою.
Рокот божественной вечности – глуше.
Только порою, в предутренний час –
С темного неба – таинственный глас:
– Женщина! – Вспомни бессмертную душу!
Конец декабря 1918

9

Да здравствует черный туз!
Да здравствует сей союз
Тщеславья и вероломства!
На темных мостах знакомства,
Вдоль фонарей – любовь!
Я лживую кровь свою
Пою – в вероломных жилах.
За всех вероломных милых
Грядущих своих – я пью!
Да здравствует комедьянт!
Да здравствует красный бант
В моих волосах веселых!
Да здравствуют дети в школах,
Что вырастут – пуще нас!
И, юности на краю,
Под тенью сухих смоковниц –
За всех роковых любовниц
Грядущих твоих – я пью!
Москва, март 1919

«Благодарю, о Господь...»
Благодарю, о Господь,
За Океан и за Сушу,
И за прелестную плоть,
И за бессмертную душу,
И за горячую кровь,
И за холодную воду.
– Благодарю за любовь.
Благодарю за погоду.
9 ноября 1918

«Я счастлива жить образцово и просто...»
Я счастлива жить образцово и просто:
Как солнце – как маятник – как календарь.
Быть светской пустыннолицей стройного роста,
Премудрой – как всякая божия тварь.
Знать: Дух – мой сподвижник, и Дух –
мой вожатый!
Входить без доклада, как луч и как взгляд.
Жить так, как пишу: образцово и сжато, –
Как Бог повелел и друзья не велят.
22 ноября 1918

«На смех и на зло...»
На смех и на зло:
Здравому смыслу,
Ясному солнцу,
Белому снегу –
я полюбила:
Мутную полночь,
Льстивую флейту,
Праздные мысли.
Этому сердцу
Родина – Спарта.
Помнишь лисёнка,
Сердце спартанца?
– Легче лисёнка
Скрыть под одеждой,
Чем утаить вас,
Ревность и нежность!
1 декабря 1918

«Солнце – одно, а шагает по всем городам...»
Солнце – одно, а шагает по всем городам.

Солнце – мое. Я его никому не отдам.
Ни на час, ни на луч, ни на взгляд. –
Никому. Никогда.
Пусть погибают в бессменной ночи города!
В руки возьму! Чтоб не смело вертеться
в кругу!
Пусть себе руки, и губы, и сердце сожгу!
В вечную ночь пропадет – погонюсь
по следам...
Солнце мое! Я тебя никому не отдам!
Февраль 1919

«О нет, не узнает никто из вас...»
О нет, не узнает никто из вас
– Не сможет и не захочет! –
Как страстная совесть в бессонный час
Мне жизнь молодую точит!
Как душит подушкой, как бьет в набат,
Как шепчет все то же слово...
– В какой обратился треклятый ад
Мой глупый грешок грошовый!
Март 1919

«Ты меня никогда не прогонишь...»
Ты меня никогда не прогонишь:
Не отталкивают весну!
Ты меня и перстом не тронешь:
Слишком нежно пою ко сну!
Ты меня никогда не ославишь:
Мое имя – вода для уст!
Ты меня никогда не оставишь:
Дверь открыта, и дом твой – пуст!
Июль 1919

«Упадешь – перстом не двину...»
Упадешь – перстом не двину.
Я люблю тебя как сына.
Всей мечтой своей довлея,
Не щадя и не жалея.
Я учу: губам полезно
Раскаленное железо,
Бархатных ковров полезней –
Гвозди – молодым ступням.
А еще в ночи беззвездной
Под ногой – полезны – бездны!
Первенец мой крутолобий!
Вместо всей моей учебы –
Материнская утроба
Лучше – для тебя была б.
Октябрь 1919

«Когда-нибудь, прелестное создание...»
Когда-нибудь, прелестное создание,
Я стану для тебя воспоминаньем,
Там, в памяти твоей голубоокой,
Затерянным – так далекó-далёко.
Забудешь ты мой профиль горбоносый,
И лоб в апофеозе папиросы,
И вечный смех мой, коим всех морочу,
И сотню – на руке моей рабочей –
Серебряных перстней, – чердак-каюту,
Моих бумаг божественную смуту...
Как в страшный год, возвышены Бедю,
Ты – маленькой была, я – молодою.
Ноябрь 1919

Психея

Пунш и полночь. Пунш – и Пушкин,
Пунш – и пенковая трубка
Пышущая. Пунш – и лепет
Бальных башмачков по хриплым
Половицам. И – как призрак –
В полукруге арки – птицей –
Бабочкой ночной – Психея!
Шепот: «Вы еще не спите?
Я – проститься...» Взор потуплен.
(Может быть, прощенья просит
За грядущие проказы
Этой ночи?) Каждый пальчик
Ручек, павших Вам на плечи,
Каждый перл на шейке плавной
По сто раз перецелован.
И на цыпочках – как пери! –
Пируэтом – привиденьем –
Выпорхнула. – Пунш – и полночь.
Вновь впорхнула: «Что за память!
Позабыла опахало!
Опоздаю... В первой паре
Полонеза...» Плащ накинув
На одно плечо – покорно –
Под руку поэт – Психею
По трепещущим ступенькам
Провожает. Лапки в плед ей
Сам укутал, волчью полость
Сам запахивает... – «С Богом!»
А Психея,
К спутнице припав – слепому
Пугалу в чепце – трепещет:
Не прожег ли ей перчатку
Пылкий поцелуй арапа...

.....
Пунш и полночь. Пунш и пепла
Ниспадение на персидский
Палевый халат – и платья
Бального пустая пена
В пыльном зеркале...
Начало марта 1920

«Она подкрадётся неслышно...»
Она подкрадётся неслышно –
Как полночь в дремучем лесу.
Я знаю: в передничке пышном
Я голубя Вам принесу.
Так: встану в дверях – и ни с места!
Свинцовыми гирями – стыд.
Но птице в переднике – тесно,
И птица – сама полетит!
19 марта 1920

«Большими тихими дорогами...»
Большими тихими дорогами,
Большими тихими шагами...
Душа, как камень, в воду брошенный, –
Всё расширяющимися кругами...
Та глубока – вода и та темна – вода.
Душа на все века – схоронена в груди.
И так достать ее оттуда надо мне,
И так сказать я ей хочу: в мою иди!
27 апреля 1920

«Пахнуло Англией – и морем...»
Пахнуло Англией – и морем –
И доблестью. – Суров и статен.
– Так, связываясь с новым горем,

Час души. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Смеюсь, как юнга на канате
Смеется в час великой бури,
Наедине с господним гневом,
В блаженной, обезьяньей дури
Пляша над пенящимся зевом.
Упорны эти руки, – прочен
Канат, – привык к морской метели!
И сердце доблестно, – а впрочем,
Не всем же умирать в постели!
И вот, весь холод тьмы беззвездной
Вдохнув – на самой мачте – с краю –
Над разверзающейся бездной
– Смеясь! – ресницы опускаю..
27 апреля 1920

«Мой путь не лежит мимо дому – твоего...»
Мой путь не лежит мимо дому – твоего.
Мой путь не лежит мимо дому – ничьего.
А всё же с пути сбиваюсь
(Особо- весной!),
А всё же по людям маюсь,
Как пес под луной.
Желанная всюду гостья:
Всем спать не даю!
Я с дедом играю в кости,
А с внуком – пою.
Ко мне не ревнуют жены:
Я – голос и взгляд.
И мне ни один влюбленный
Не вывел палат.
Смешно от щедрот незваных
Мне ваших, купцы!
Сама воздвигаю за ночь
Мосты и дворцы.
(А что говорю – не слушай!
Всё мелет – бабье!)
Сама поутру разрушу
Творенье свое.
Хоромы – как сноп соломы – ничего!
– Мой путь не лежит мимо дому – твоего.
27 апреля 1920

«На бренность бедную мою...»
На бренность бедную мою
Взираешь, слов не расточая.
Ты – каменный, а я пою,
Ты – памятник, а я летаю.
Я знаю, что нежнейший май
Пред оком Вечности – ничтожен.
Но птица я – и не пеняй,
Что легкий мне закон положен.
16 мая 1920

«Сказавший всем страстям: прости...»
Сказавший всем страстям: прости –
Прости и ты.
Обиды наглotalась всласть.
Как хлещущий библейских стих,
Читаю я в глазах твоих:
«Дурная страсть!»
В руках, тебе несущих есть,
Читаешь – лесть.
И смех мой – ревность всех сердец! –
Как прокаженных бубенец –
Гремит тебе.
И по тому, как в руки вдруг

Кирку берешь – чтоб рук
Не взять (не те же ли цветы?),
Так ясно мне – до тьмы в очах! –
Что не было в твоих стадах
Черней – овцы.
Есть остров – благостью Отца, –
Где мне не надо бубенца,
Где черный пух –
Вдоль каждой изгороди. – Да. –
Есть в мире – черные стада.
Другой пастух.
17 мая 1920

«Да, вздохов обо мне – край непочатый!..»
Да, вздохов обо мне – край непочатый!
А может быть – мне легче быть проклятой!
А может быть – цыганские заплаты –
Смирненные – мои
Не меньше, чем несмешанное золото,
Чем белизной пылающие латы
Пред ликом судии.
Долг плясуна – не дрогнуть вдоль каната,
Долг плясуна – забыть, что знал когда-то –
Иное вещество,
Чем воздух – под ногой своей крылатой!
Оставь его. Он – как и ты – глашатай
Господа своего.
17 мая 1920

«Суда поспешно не чини...»
Суда поспешно не чини:
Непрочен суд земной!
И голубиной – не черни
Галчонка – белизной.
А впрочем – что ж, коли не лень!
Но всех перелюбя,
Быть может, я в тот черный день
Очнусь – белей тебя!
17 мая 1920

«Писала я на аспидной доске...»
С. Э.

Писала я на аспидной доске,
И на листочках вееров поблѣклых,
И на речном, и на морском песке,
Коньками по льду и кольцом на стеклах, –
И на стволах, которым сотни зим,
И, наконец – чтоб было всем известно! –
Что ты любим! любим! любим! – любим! –
Расписывалась – радугой небесной.
Как я хотела, чтобы каждый цвел
В веках со мной! под пальцами моими!
И как потом, склонивши лоб на стол,
Крест-накрест перечеркивала – имя...
Но ты, в руке продажного писца
Зажатое! ты, что мне сердце жалишь!
Непроданное мной! внутри кольца!
Ты – уцелеешь на скрижалях.
18 мая 1920

Пригвождена...
Пригвождена к позорному столбу
Славянской совести старинной,
С змеею в сердце и с клеймом на лбу,
Я утверждаю, что – невинна.

Час души. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Я утверждаю, что во мне покой
Причастницы перед причастьем,
Что не моя вина, что я с рукой
По площадям стою – за счастьем.
Пересмотрите всё мое добро,
Скажите – или я ослепла?
Где золото мое? Где серебро?
В моей ладони – горстка пепла!
И это всё, что лестью и мольбой
Я выпросила у счастливых.
И это всё, что я возьму с собой
В край целований молчаливых.
19 мая 1920

«Восхищенной и восхищённой...»
Восхищенной и восхищённой,
Сны видящей средь бела дня,
Все спящей видели меня,
Никто меня не видел сонной.
И оттого, что целый день
Сны проплывают пред глазами,
Уж ночью мне ложиться – лень.
И вот, тоскующая тень,
Стою над спящими друзьями.
Между 21 и 30 мая 1920

«Кто создан из камня, кто создан из глины...»
Кто создан из камня, кто создан из глины, –
А я серебрюсь и сверкаю!
Мне дело – измена, мне имя – Марина,
Я – бренная пена морская.
Кто создан из глины, кто создан из плоти –
Тем гроб и надгробные плиты...
– В купели морской крещена – и в полете
Своем – непрестанно разбита!
Сквозь каждое сердце, сквозь каждые сети
Пробьется мое своеволие.
Меня – видишь кудри беспутные эти? –
Земною не сделаешь солью.
Дробясь о гранитные ваши колена,
Я с каждой волной – воскресаю!
Да здравствует пена – веселая пена –
Высокая пена морская!
23 мая 1920

Две песни

1

И что тому костер остывший,
Кому разлука – ремесло!
Одной волною накатило,
Другой волною унесло.
Ужели в раболепном гнев
За милым поползу ползком –
Я, выношенная во чреве
Не материнском, а морском!
Кусай себе, дружочек родной,
Как яблоко – весь шар земной!
Беседуя с пучиной водной,
Ты всё ж беседуешь со мной.
Подобно земнородной деве,
Не скрестит две руки крестом –
Дщерь, выношенная во чреве
Не материнском, а морском!
Нет, наши девушки не плачут,
Не пишут и не ждут вестей!
Нет, снова я пущусь рыбачить

Без невода и без сетей!
Какая власть в моем напеве, –
Одна не ведаю о том, –
Я, выношенная во чреве
Не материнском, а морском.
Когда-нибудь, морские струи
Разглядывая с корабля,
Ты скажешь: «Я любил – морскую!
Морская канула – в моря!»
В коралловом подводном древе
Не ты ль – серебряным хвостом,
Дщерь, выношенная во чреве
Не материнском, а морском!
13 июня 1920

2

Вчера еще в глаза глядел,
А нынче – всё косится в сторону!
Вчера еще до птиц сидел, –
Всё жаворонки нынче – вороны!
Я глупая, а ты умен,
Живой, а я остолбенелая.
О вопль женщин всех времен:
«Мой милый, что тебе я сделала?!»
И слезы ей – вода, и кровь –
Вода, – в крови, в слезах умылася!
Не мать, а мачеха – Любовь:
Не ждите ни суда, ни милости.
Увозят милых корабли,
Уводит их дорога белая...
И стон стоит вдоль всей земли:
«Мой милый, что тебе я сделала?»
Вчера еще – в ногах лежал!
Равнял с Китайскою державою!
Враз обе рученьки разжал, –
Жизнь выпала – копейкой ржавою!
Детоубийцей на суду
Стою – немилая, несмелая.
Я и в аду тебе скажу:
«Мой милый, что тебе я сделала?»
Спрошу я стул, спрошу кровать:
«За что, за что терплю и бедствую?»
«Отцеловал – колесовать:
Другую целовать», – отвечают.
Жить приучил в самом огне,
Сам бросил – в степь заледенелую!
Вот что ты, милый, сделал – мне.
Мой милый, что тебе – я сделала?
Всё ведаю – не прекословь!
Вновь зрячая – уж не любовница!
Где отступается Любовь,
Там подступает Смерть-садовница.
Самó – что дерево трясти! –
В срок яблоко спадает спелое...
– За всё, за всё меня прости,
Мой милый, что тебе я сделала!
14 июня 1920

«Проста моя осанка...»
Проста моя осанка,
Нищ мой домашний кров.
Ведь я островитянка
С далеких островов!
Живу – никто не нужен!
Взошел – ночей не сплю.
Согреть Чужому ужин –
Жилье свое спалю!
Взглянул – так и знакомый,

Час души. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Взошел – так и живи!
Просты наши законы:
Написаны в крови.
Луну заманим с неба
В ладонь, – коли мила!
Ну, а ушел – как не! был,
И я – как не была.
Гляжу на след ножовый:
Успеет ли зажечь
До первого чужого,
Который скажет: «Пить».
Август 1920

Волк
Было дружбой, стало службой,
Бог с тобою, брат мой волк!
Подышает наша дружба:
Я тебе не дар, а долг!
Заедай верстою вёрсту,
Отсылай версту к версте!
Перегладила по шерстке, –
Стосковался по тоске!
Не взвожу тебя в злодеи, –
Не твоя вина – мой грех:
Ненасытностью своею
Перекармливаю всех!
Чем на вас с кремнем-огнивом
В лес ходить – как бог судил, –
К одному бабье ревниво:
Чтобы лап не остудил.
Удержать – перстом не двину:
Перст – не шест, а лес велик.
Уноси свои седины,
Бог с тобою, брат мой клык!
Прощевай, седая шкура!
И во сне не вспомяну!
Новая найдется дура –
Верить в волчью седину.
Октябрь 1920

«Любовь! Любовь! И в судорогах, и в гробе...»
Любовь! Любовь! И в судорогах, и в гробе
Насторожусь – прельщусь – смущусь –
рванусь.
О милая! – Ни в гробовом сугробе,
Ни в облачном с тобою не прощусь.
И не на то мне пара крыл прекрасных
Дана, чтоб на сердце держать пуды.
Спеленутых, безглазых и безгласных
Я не умножу жалкой слободы.
Нет, выпростаю руки, – стан упругий
Единым взмахом из твоих пелён
Смерть – выбью! Верст на тысячу в округе
Растоплены снега – и лес спален.
И если всё ж – плеча, крыла, колена
Сжав – на погост дала себя увезть, –
То лишь затем, чтобы смеясь над тленом,
Стихом восстать – иль розаном расцвести!
Около 28 ноября 1920

«Знаю, умру на заре! На которой из двух...»
Знаю, умру на заре! На которой из двух,
Вместе с которой из двух – не решить
по заказу!

Ах, если б можно, чтоб дважды мой факел
потух!
Чтоб на вечерней заре и на утренней сразу!
Пляшущим шагом прошла по земле! – Неба
дочь!
С полным передником роз! – Ни ростка
не наруша!
Знаю, умру на заре! – Ястребиную ночь
Бог не пошлет по мою лебединую душу!
Нежной рукой отведя нецелованный крест,
В щедрое небо рванусь за последним приветом.
Прорезь зари – и ответной улыбки прорезь...
– Я и в предсмертной икоте останусь поэтом!
декабрь 1920

Из цикла «Ученик»

Сказать – задумалась о чём?
В дождь – под одним плащом,
В ночь – под одним плащом, потом
В гроб – под одним плащом.
1
Быть мальчиком твоим светлоголовым, –
О, через все века! –
За пыльным пурпуром твоим брести в суровом
Плаще ученика.
Улавливать сквозь всю людскую гущу
Твой вздох животворящ –
Душой, дыханием твоим живущей,
Как дуновеньем – плащ.
Победоноснее царя Давида
Чернь раздвигать плечом.
От всех обид, от всей земной обиды
Служить тебе плащом.
Быть между спящими учениками
Тем, кто во сне – не спит.
При первом чернью занесенном камне
Уже не плащ – а щит!
(О, этот стих не самовольно прерван!
Нож чересчур остёр!)
...и – дерзновенно улыбнувшись – первым
Взойти на твой костер.
15 апреля 1921

Из цикла «Марина»

1
Быть голубкой его орлиной!
Больше матери быть, – Мариной!
Вестовым – часовым – гонцом –
Знаменосцем – льстецом придворным!
Серафимом и псом дозорным
Охранять непокойный сон.
Сальных карт захватив колоду, –
Ногу в стремя! – сквозь огонь и воду!
Где верхом – где ползком – где вплавь!
Тростником – ивняком – болотом,
А где конь не берет – там летом,
Все ветра полонивши в плащ!
Черным вихрем летя беззвучным,
Не подрукою быть – сподручным!
Не единою быть – вторым!
Близнецом – двойником – крестовым
Стройным братом, огнем костровым,
Ятаганом его кривым.
Гул кремлевских гостей незваных
Если имя твое – Басманов,
Отстранись. – Уступи любви!

Час души. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Распахнула платок нагрудный.
– Руки настезь! – Чтоб в день свой
судный
Не в басмановской встал крови.
11 мая 1921

2
Трем Самозванцам жена,
Мнишка надменного дочь,
Ты – гордецу своему
Не родившая сына...
В простоволосости сна
В гулкий оконный пролет
Ты – гордецу своему
Не махнувшая следом...
На роковой площади
От оплеух и плевков
Ты – гордеца своего
Не покрывшая телом...
В маске дурацкой лежал,
С дудкой кровавой во рту...
Ты – гордецу своему
Не отершая пота...
– Своекорыстная кровь!
Проклята, треклята будь,
Ты – Лжедмитрию смогшая быть
Лжемариной!
11 мая 1921

«О всеми ветрами...»
О всеми ветрами
Колеблемый лотос!
Георгия – робость,
Георгия – кротость...
Очей непомерных
– Широких и влажных –
Суровая – детская – смертная важность.
Так смертная мука
Глядит из тряпья.
И вся непомерная
Тяжесть копья.
Не тот – высочайший,
С усмешкою гордой:
Кротчайший Георгий,
Тишайший Георгий,
Горчайший – свеча моих бдений – Георгий,
Кротчайший – с глазами оленя – Георгий!
(Трепещущей своре
Простивший олень.)
– которому пробил
Георгиев день.
О лотос мой!
Лебедь мой!
лебедь! Олень мой!
Ты – все мои бденья
И все сновиденья!
Пасхальный тропарь мой!
Последний алтын мой!
Ты больше, чем Царь мой,
и больше, чем сын мой!
Лазурное око мое –
В вышину!
Ты, блудную снова

Вознесший жену.
– Так слушай же!..
14 июля 1921

«Гордость и робость – рódные сестры...»
Гордость и робость – рódные сестры,
Над колыбелью, дружные, встали.
«Лоб запрокинув!» – гордость велела.
«Очи потупив!» – робость шепнула.
Так прохожу я – очи потупив –
Лоб запрокинув – Гордость и Робость.
20 сентября 1921

Молодость

1

Молодость моя! Моя чужая
Молодость! Мой сапожок непарный!
Воспаленные глаза сужая,
Так листок срывают календарный.
Ничего из всей твоей добычи
Не взяла задумчивая Муза.
Молодость моя! Назад не кличу.
Ты была мне ношей и обузой.
Ты в ночи начесывала гребнем,
Ты в ночи оттачивала стрелы.
Щедростью твоей давясь, как щебнем,
За чужие я грехи терпела.
Скипетр тебе вернув до срока –
Что уже душе до яств и брашна? –
Молодость моя! Моя морока –
Молодость! Мой лоскуток кумашный!
18 ноября 1921

2

Скоро уж из ласточек – в колдуньи!
Молодость! Простимся накануне.
Постоим с тобою на ветру.
Смуглая моя! Утешь сестру!
Полыхни малиновою юбкой,
Молодость моя! Моя голубка
Смуглая! Раззор моей души!
Молодость моя! Утешь, спляши!
Полосни лазоревою шалью,
Шалая моя! Пошалевали
Досыта с тобой! Спляши, ошпарь!
Золотце мое – прощай, янтарь!
Неспроста руки твоей касаюсь,
Как с любовником, с тобой прощаюсь.
Вырванная из грудных глубин –
Молодость моя! – Иди к другим!
20 ноября 1921

«А сугробы подаются...»
И. Эренбургу

А сугробы подаются,
Скоро расставаться.
Прощай, вьюг-твоих-приютство,
Воркотов – приютство.
Веретен ворчливых царство,
Волков белых – рьянство.
Сугроб теремной, боярский,
Столбовой, дворянский,
Белокаменный, приютский
Для сестры, для братца..
А сугробы подаются,
Скоро расставаться.
Ах, в раззор, в раздор, в разводство

Широки – воротцы!
Прощай, снег, зимы сиротской
Даровая роскошь!
Прощай, след незнам, непытан,
Орлов белых свита,
Прощай, грех, снежком покрытый,
По снегам размытый.
Горбуны-горбы-верблюдцы –
Прощай, домочадцы!
А сугробы подаются,
Скоро расставаться.
Голытьбе с любовью долог
День весенний, звонный.
Где метель: покров-наш-полог,
Голова приклонна!
Цельный день грызет, докучня,
Леденцовы зерна.
Дребезга, дрызга, разлучня,
Бойня, живодерня.
День – с ремень, ноченька куца:
Ни начать, ни взяться...
А сугробы подаются,
Скоро расставаться...
В две руки беру – за обе:
Ну– не оторвуся?
В две руки из ям-колдобин –
Дорогие бусы.
Расколдован, разморожен
Путь, ручьям запродан.
Друг! Ушли мои ворожбы
По крутым сугробам...
Не гляди, что слезы льются:
Вода – может статься!
Раз сугробы подаются –
Пора расставаться!
12 марта 1922

«Знакомец! Отколева в наши страны?..»
Знакомец! Отколева в наши страны?
Которого ветра клясть?
Знакомец! С тобою в любовь не встану:
Твоя воронья масть.
Покамест костру вороному – пыхать,
Красавице– искра в глаз!
– Знакомец! Твоя дорогая прихоть,
А мой дорогой отказ.
18 марта 1922

Москва

«Лютая юдоль...»
Лютая юдоль,
Дольняя любовь.
Руки: свет и соль.
Губы: смоль и кровь.
Левогрудый гром
Лбом подслушан был.
Так – о камень лбом –
кто тебя любил?
Бог с замыслами! Бог с вымыслами!
Вот: жаворонком, вот: жимолостью,
Вот: пригоршнями – вся выплеснута,
С моими дикостями – и тихостями,
С моими радугами заплаканными,
С подкрадываньями, забарматываньями...
Милая ты жизнь!
Жадная еще!
Ты запомни вжим

В правое плечо.
Щебеты во тьмах...
С птицами встаю!
Мой веселый вмах
В летопись твою.
12 июня 1922

Берлин

Из цикла «Земные приметы»

1

Так, в скудном труженичестве дней,
Так, в трудной судорожности к ней,
Забудешь дружественный хорей
Подруги мужественной своей.
Ее суровости горький дар,
И легкой робостью скрытый жар,
И тот беспроволочный удар,
Которому имя – даль.
Все древности, кроме: дай и мой,
Все ревности, кроме той, земной,
Все верности, – но и в смертный бой
Неверующим фомой.
Мой неженка! Сединой отцов:
Сей беженки не бери под кров!
Да здравствует левогрудый ков
Немудрствующих концов!
Но, может, в щебетах и в счетах
От вечных женственностей устав –
И вспомнишь руку мою без прав
И мужественный рукав.
Уста, не требующие смет,
Права, не следующие вслед,
Глаза, не ведающие век,
Исследующие: свет.
15 июня 1922

2

Ночные шепота: шелка
Разбрасывающая рука.
Ночные шепота: шелка
Разглаживающие уста. Счета
Всех ревностей дневных – и вспых
Всех древностей – и стиснув челюсти –
И стих,
Спор –
В шелесте...
И лист
В стекло...
И первой птицы свист.
– Сколь чист! – И вздох.
Не тот. – Ушло.
Ушла.
И вздрог
Плеча.
Ничто.
Тщета.
Конец.
Как нет.
И в эту суету сует
Сей меч: рассвет.
17 июня 1922

3

Ищи себе доверчивых подруг,
Не выправивших чуда на число.

Час души. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Я знаю, что Венера – дело рук,
Ремесленник, – и знаю ремесло:
От высокаторжественных немот
До полного попрания души:
Всю лестницу божественную – от:
Дыхание мое – до: не дыши!
18 июня 1922

4

Руки – и в круг
Перепродаж и переуступок!
Только бы губ,
Только бы рук мне не перепутать!
Этих вот всех
Суетностей, от которых сна! нет.
Руки воздев,
Друг, заклинаю свою же память!
Чтобы в стихах
(Свалочной яме моих высочеств!)
Ты не зачах,
Ты не усох наподобье прочих.
Чтобы в груди
(В тысячегрудой моей могиле
Братской!) – дожди
Тысячелетий тебя не мыли...
Тело меж тел, –
Ты, что мне пропадом был двухзвёздным!.. –
Чтоб не истлел
С надписью: не опознан.
9 июля 1922

5

Дабы ты меня не видел
В жизнь – пронзительной, незримой
Изгородью окружусь.
Жимолостью опояшусь,
Изморозью опушусь.
Дабы ты меня не слушал
В ночь – в премудрости старушьею:
Скрытничестве – укреплюсь.
Шорохами опояшусь,
Шелестами опушусь.
Дабы ты во мне не слишком
Цвел – по зарослям: по книжкам
Заживо запропашу:
Вымыслами опояшу,
Мнимостями опушу.
25 июня 1922

«Здравствуй! Не стрела, не камень...»
Здравствуй! Не стрела, не камень:
я! – Живейшая из жен:
Жизнь. Обеими руками
В твой невыспавшийся сон.
Дай! (На языке двуостром:
На! – Двуострота змеи!)
Всю меня в простоволосой
Радости моей прими!
Льни! – Сегодня день на шхуне,
– Льни! – на лыжах! – Льни! – льняной!
Я сегодня в новой шкуре:
Вызолоченной, седьмой!
– Мой! – и о каких наградах
Рай – когда в руках, у рта –
Жизнь: распахнутая радость
Поздороваться с утра!
25 июня 1922

«В пустынной хранине...»
В пустынной хранине
Троилась – ладаном.
Зерном и пламенем
На темя падала...
В ночные клёкоты
Вступала – ровнею.
– Я буду крохотной
Твоей жаровнею:
Домашней утварью:
Тоску раскуривать,
Ночную скуку гнать,
Земные руки греть!
С груди безжалостной
Богов – пусть сброшена!
Любовь досталась мне
Любая: большая!
С такими путами!
С такими льготами!
Пол-жизни? – Всю тебе!
По-локоть? – Вот она!
За то, что требуешь,
За то, что мучаешь,
За то, что бедные
Земные руки есть...
Тщета! – Не выверишь
По амфибрахиям!
В груди пошире лишь
Глаза распахивай,
Гляди: не Логосом
Пришла, не Вечностью:
Пустоголовостью
Твоей щебечущей
К груди...
– Не властвовать!
Без слов и на слово –
Любить... Распластаннейшей
В мире – ласточкой!
26 июня 1922

Берлин

Балкон
Ах, с откровенного отвеса –
Вниз – чтоб в прах и в смоль!
Земной любви недовесок
Слезой солить – доколь?
Балкон. Сквозь соляные ливни
Смоль поцелуев злых.
И ненависти неизбывной
Вздых: выдышаться в стих!
Стиснутое в руке комочком –
Что: сердце или рвань
Батистовая? Сим примочкам
Есть имя: – Иордань.
Да, ибо этот бой с любовью
Дик и жестокосерд.
Дабы с гранитного надбровья
Взрыв – выдышаться в смерть!
30 июня 1922

«Неподражаемо лжет жизнь...»
Неподражаемо лжет жизнь:
Сверх ожидания, сверх лжи...
Но по дрожанию всех жил
Можешь узнать: жизнь!
Словно во ржи лежишь: звон, синь...
(Что ж, что во лжи лежишь!) – жар, вал...

Час души. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Бормот – сквозь жимолость – ста жал...

Радуйся же! – Звал!

И не кори меня, друг, столь

Заворожимы у нас, тел,

Души – что вот уже: лбом в сон.

Ибо – зачем пел?

В белую книгу твоих тишизн,

В дикую глину твоих «да» –

Тихо склоняю облом лба:

Ибо ладонь – жизнь.

8 июля 1922

Из цикла «Деревья»

Моему чешскому другу,

Анне Антоновне Тесковой

1

Когда обидой – опилась

Душа разгневанная,

Когда семижды зареклась

Сражаться с демонами –

Не с теми, ливнями огней

В бездну нисхлестнутыми:

С земными низостями дней,

С людскими кознями, –

Деревья! К вам иду! Спаситесь

От рева рыночного!

Вашими вымахами ввысь

Как сердце выдышано!

Дуб богоборческий! в бои

Всем корнем шествующий!

Ивы-провидицы мои!

Березы-девственницы!

Вяз – яростный Авессалом,

На пытке вздыбленная

Сосна – ты, уст моих псалом:

Горечь рябиновая...

К вам! В живоплещущую ртуть

Листвы – пусть рушащейся!

Впервые руки распахнуть!

Забросить рукописи!

Зеленых отсветов рои...

Как в руки – плещущие...

Простоволосые мои,

Мои трепещущие!

8 сентября 1922

2

Каким наитием,

Какими истинами,

О чем шумите вы,

Разливы лиственные?

Какой неистовой

Сивиллы таинствами –

О чем шумите вы,

О чем беспмятствуете?

Что в вашем веянье?

Но знаю – лечите

Обиду Времени

Прохладой Вечности.

Но юным гением

Восстав – порочите

Ложь лицезрения

Перстом заочности.

Чтоб вновь, как некогда,

Земля – казалась нам.

Чтобы под веками

Свершались замыслы.
Чтобы монетами
Чудес – не чваниться!
Чтобы под вѣками
Свершались таинства!
И прочь от прочности!
И прочь от срочности!
В поток! – В пророчества
Речами косвенными...
Листва ли – листьями?
Сивилла ль – выстонала?
...Лавины лиственные,
Руины лиственные...
9 мая 1923

«Золото моих волос...»
Золото моих волос
Тихо переходит в седость.
Не жалеете: всё сбылось,
Всё в груди слилось и – спелось.
Спелось – как вся даль слилась
В стонущей трубе окраины.
Господи! Душа сбылась, –
Умысел твой самый тайный.
Несгорающую соль
Дум моих – ужели пепел
Фениксов отдам за смоль
Временных великолепий?
Да и ты посеребрел,
Спутник мой! К громам и дымам,
К молодым седидам дел –
Дум моих почти седины.
Горделивый златоцвет,
Роскошью своей не чванствуй:
Молодым седидам бед
Лавр пристал – и дуб гражданский.
Между 17 и 23 сентября 1922

Из цикла «Провода»

1
Вереницею певчих свай,
Подпирающих Эмпиреи,
Посылаю тебе свой пай
Праха дольнего.
По аллее
Вздохов – проволокой к столбу –
Телеграфное: лю-ю-блю..
Умоляю... (печатный бланк
Не вместит! Проводами проще!)
Это – свай, на них Атлант
Опустил скаковую площадь
Небожителей..
Вдоль свай
Телеграфное: про-о-щай..
Слышишь? Это последний срыв
Глотки сорванной: про-о-стите..
Это – снасти над морем нив,
Атлантический путь тихий:
Выше, выше, – и сли-лись
В Ариаднино: ве-ер-нись,
Обернись!.. Даровых больниц
Заунывное: не! выйду!
Это – про-водами стальных
Проводов – голоса Аида

Удаляющиеся... Даль
Заклинающее: жа-аль...
Пожалейте! (В сем хоре – сей
Различаешь?) В предсмертном крике
Упирающихся страстей –
Дуновение Эвридики:
Через насыпи – и – рвы
Эвридикино: у-у-вы,
Не у–
17 марта 1923

2

Чтоб высказать тебе... Да нет, в ряды
И в рифмы сдавленные... Сердце – шире!
Боюсь, что мало для такой беды
Всего Расина и всего Шекспира!
«Все плакали, и если кровь болит...
Все плакали, и если в розах – змеи...»
Но был один – у Федры – Ипполит!
Плач Ариадны – об одном Тезее!
Терзание! Ни берегов, ни вех!
Да, ибо утверждаю, в счете сбившись,
Что я в тебе утрачиваю всех
Когда-либо и где-либо небывших!
Какие чаянья – когда насквозь
Тобой пропитанный – весь воздух свыкся!
Раз Наксосом мне – собственная кость!
Раз собственная кровь под кожей –
Стиксом!
Тщета! во мне она! Везде! закрыв
Глаза: без дна она! без дня! И дата
Лжет календарная...
Как ты – Разрыв,
Не Ариадна я и не...
– Утрата!
О, по каким морям и городам
Тебя искать? (Незримого – незрячей!)
Я проводы вверяю проводам,
И в телеграфный столб упершись – плачу.
18 марта 1923

3

Не чернокнижница! В белой книге
Далей донских наострила взгляд!
Где бы ты ни был – тебя настигну,
Выстрадаю – и верну назад.
Ибо с гордыни своей, как с кедра,
Мир озираю: плывут суда,
Зарева рыщут... Морские недра
Выворочу – и верну со дна!
Перестрадай же меня! Я всюду:
Зори и руды я, хлеб и вздох,
Есмь я и буду я, и добуду
Губы – как душу добудет Бог:
Через дыхание – в час твой хрипый,
Через архангельского суда
Изгороди! – Все! уста о шипья
Выкровяню и верну с одра!
Сдайся! Ведь это совсем не сказка!
– Сдайся! – Стрела, описавши круг...
– Сдайся! – Еще ни один не спасся
От настагающего без рук:
Через дыхание... (Перси взмыли,
Веки не видят, вокруг уст – слюда...)
Как прозорливица – Самуила

Час души. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Выморочу – и вернусь одна:
Ибо другая с тобой, и в судный
День не тягаются...
Вьюсь и длюсь.
Есмь я и буду я, и добуду
Душу – как губы добудет уст
Упокойтельница...
25 марта 1923

4

Час, когда вверху цари
И дары друг к другу едут.
(Час, когда иду с горы:)
Горы начинают ведать.
Умыслы сгрудились в круг
Судьбы сдвинулись: не выдать!
(Час, когда не вижу рук.)
Души начинают видеть.
25 марта 1923

5

В час, когда мой милый брат
Миновал последний вяз
(Взмахов, выстроенных в ряд),
Были слезы – больше глаз.
В час, когда мой милый друг
Огибал последний мыс
(Вздохов мысленных: вернись!),
Были взмахи – больше рук.
Точно руки – вслед – от плеч!
Точно губы вслед – заклать!
Звуки растеряла речь,
Пальцы растеряла пясть.
В час, когда мой милый гость...
– Господи, взгляни на нас! –
Были слезы больше глаз
Человеческих и звезд
Атлантических...
26 марта 1923

6

Весна наводит сон. Уснем.
Хоть врозь, а все ж сдается: все!
Разрозненности сводит сон,
Авось увидимся во сне.
Всевидящий, он знает, чью
Ладонь – и в чью, кого – и с кем.
Кому печаль мою вручу,
Кому печаль мою повем
Предвечную (дитя, отца
Не знающее и конца
Не чающее!). О, печаль
Плачущих без плеча!
О том, что памятью с перста
Спадет, и камешком с моста...
О том, что заняты места,
О том, что наняты сердца
Служить – безвыездно – навек,
И жить – пожизненно – без нег!
О, заживо – чуть встав! чем свет! –
В архив, в Элизиум калек.
О том, что тише ты и я
Травы, руды, беды, воды...
О том, что выстрочит швея:
Рабы – рабы – рабы – рабы.
5 апреля 1923

Так вслушиваются...

1

Так вслушиваются (в исток
Вслушивается – устье).
Так внюхиваются в цветок:
Вглубь – до потери чувства!
Так в воздухе, который синь, –
Жажда, которой дна нет.
Так дети, в синеве простынь,
Всматриваются в память.
Так вчувствуется в кровь
Отрок – доселе лотос.
...Так влюбляются в любовь:
Впадываются в пропасть.

2

Друг! Не кори меня за тот
Взгляд, деловой и тусклый.
Так вглатываются в глоток:
Вглубь – до потери чувства!
Так, в ткань вработываясь, ткач
Ткет свой последний пропад.
Так дети, вплакиваясь в плач,
Вшептываются в шепот.
Так вплясываются... (Велик
Бог – посему крутитесь!)
Так дети, вкрикиваясь в крик,
Вмалчиваются в тишость.
Так жалом тронутая кровь
Жалуется – без ядов!
Так вбаливаются в любовь:
Впадываются в: падать.
3 мая 1923

Мореплаватель

Закачай меня, звездный челн!
Голова устала от волн!
Слишком долго причалить тщусь, –
Голова устала от чувств:
Гимнов – лавров – героев – гидр, –
Голова устала от игр!
Положите меж трав и хвой, –
Голова устала от войн...
12 июня 1923

Свиданье

На назначенное свиданье
Опоздаю. Весну в придачу
Захвативши – приду седая.
Ты его высокó назначил!
Буду годы идти – не дрогнул
Вкус Офелии к горькой руте!
Через горы идти – и стогны,
Через души идти – и руки.
Землю долго прожить! Трущоба –
Кровь! и каждая капля – заводь.
Но всегда стороной ручьевогой –
Лик Офелии в горьких травах.
Той, что, страсти хлебнув, лишь ила
Нахлебалась! – Снопом на щепень!
Я тебя высокó любила:
Я тебя схоронила в небе!
18 июня 1923

Рельсы

В некой разлинованности нотной

Час души. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Нежась наподобие простынь –
Железнодорожные полотна,
Рельсовая режущая синь!
Пушкинское: сколько их, куда их
Гонит! (Миновало – не поют!)
Это уезжают-покидают,
Это остывают-отстают.
Это – остаются. Боль, как нота
Высящаяся... Поверх любви
Высящаяся... Женою Лота
Насыплю застывшие столбы..
Час, когда отчаяньем, как свахой,
Простыни разостланы. – Твоя! –
И обезголосившая Сафо
Плачет, как последняя швея.
Плач безропотности! Плач болотной
Цапли... Водоросли – плач! Глубок
Железнодорожные полотна
Ножницами режущий гудок.
Растекись напрасною зарею,
Красное, напрасное пятно!
...Молодые женщины порою
Льстятся на такое полотно.
10 июля 1923

Час души

1

В глубокий час души и ночи,
Не числящийся на часах,
Я отроку взглянула в очи,
Не числящиеся в ночах
Ничьих еще, двойной запрудой
– Без памяти и по края! –
Покоящиеся...
Отсюда
Жизнь начинается твоя.
Седеющей волчицы римской
Взгляд, в выкормыше зрящей – Рим!
Сновидящее материнство
Скалы... Нет имени моим
Потеряностям... Все покровы
Сняв – выросшая из потерь! –
Так некогда над тростниковой
Корзиною клонилась дочь
Египетская...
14 июля 1923

2

В глубокий час души,
В глубокий – ночи...
(Гигантский шаг души,
души в ночи!).
В тот час, душа, верши
Миры, где хочешь
Царить – чертог души,
Душа, верши.
Ржавь губы, пороши
Ресницы – снегом.
(Атлантский вздох души,
души – в ночи!...)
В тот час, душа, мрачи
Глаза, где Вегой
Взойдешь... Сладчайший плод,
Душа, горчи.
Горчи и омрачай:
Расти: верши.

8 августа 1923

3

Есть час Души, как час Луны,
Совы – час, мглы – час, тьмы –
Час... Час Души, как час струны
Давидовой сквозь сны
Сауловы... В тот час дрожи,
Тщета, румяна смой!
Есть час Души, как час грозы,
Дитя, и час сей – мой.
Час сокровеннейших низов
Грудных. – Плотины спуск!
Всё вещи сорвались с пазов,
Всё сокровенья – с уст!
С глаз – всё завесы! Всё следы –
Вспять! На линейках – нот –
Нет! – Час Души, как час Беды,
Дитя, и час сей – бьет.
Беда моя! – Так будешь звать.
Так, лекарским ножом
Истерзанные, – дети – мать
Корят: «Зачем живем?»
А та, ладонями свежа
Горячку: «Надо. – Ляг».
Да, час Души, как час ножа,
Дитя, и нож сей – благ.
14 августа 1923

Раковина

Из лепрозория лжи и зла
Я тебя вызвала и взяла
В зори! Из мертвого сна надгробий –
В руки, вот в эти ладони в обе,
Раковинные – расти, будь тих:
Жемчугом станешь в ладонях сих!
О, не оплатят ни шейх, ни шах
Тайную радость и тайный страх
Раковины... Никаких красавиц
Спесь, сокровений твоих касаясь,
Так не присвоит тебя, как тот
Раковинный сокровенный свод
Рук неприсваивающих... Спи!
Тайная радость моей тоски,
Спи! Застилая моря и земли,
Раковиною тебя объемлю:
Справа и слева и лбом и дном –
Раковинный колыбельный дом.
Дням не уступит тебя душа!
Каждую муку туша, глуша,
Сглаживая... Как ладонью свежей,
Скрытые громы студя и нежа,
Нежа и множа... О, чай! О, зрей!
Жемчугом выйдешь из бездны сей.
Выйдешь! По первому слову: будь!
Выстрадавшая раздастся грудь
Раковинная. – О, настезь створы! –
Матери каждая пытка в пору,
В меру... Лишь ты бы, расторгнув плен,
Целое море хлебнул взамен!
31 июля 1923

Письмо

Так писем не ждут,
Так ждут – письма.
Тряпичный лоскут,

Вокруг тесьма
Из клея. Внутри – словцо.
И счастье. – И это – всё.
Так счастья не ждут,
Так ждут – конца:
Солдатский салют
И в грудь – свинца
Три дольки. В глазах красно!.
И только. – И это – всё.
Не счастья – стара!
Цвет – ветер сдул!
Квадрата двора
И черных дул.
(Квадрата письма:
Чернил и чар!)
Для смертного сна
Никто не стар!
Квадрата письма.
11 августа 1923

Минута
Минута: мнущая: минешь!
Так мимо же, и страсть и друг!
Да будет выброшено ныне ж –
Что завтра б – вырвано из рук!
Минута: мерящая! Малость
Обмеривающая, слышь:
То никогда не начиналось,
Что кончилось. Так лги ж, так льсти ж
Другим, десятичной кори
Подверженным еще, из дел
Не выросшим. Кто ты, чтоб море
Разменивать? Водораздел
Души живой? О, мель! О, мелочь!
У славного Царя Щедрот
Славнее царства не имелось,
Чем надпись: «И сие пройдет» –
На перстне... На путях обратных
Кем не измерена тщета
Твоих Аравий циферблатных
И маятников маята?
Минута: мающая! Мнимость
Вскачь – медлящая! В прах и в хлам
Нас мелящая! Ты, что минешь:
Минута: милостыня псам!
О как я рвусь тот мир оставить,
Где маятники душу рвут,
Где вечностью моею правит
Разминовение минут.
12 августа 1923

«Люблю – но мука еще жива...»
Люблю – но мука еще жива.
Найди баюкающие слова:
Дождливые, – расточившие все
Сам выдумай, чтобы в их листве
Дождь слышался: то не цеп о сноп:
Дождь в крышу бьет: чтобы мне на лоб,
На гроб стекал, чтобы лоб – светал,
Озноб – стихал, чтобы кто-то спал
И спал... Сквозь скважины, говорят,
Вода просачивается. В ряд
Лежат, не жалуются, а ждут
Незнаемого. (Меня – сожгут.)
Баюкай же – но прошу, будь друг:
Не буквами, а каютой рук:

Уютами...

24 октября 1923

«Ты, меня любивший фальшью...»
Ты, меня любивший фальшью
Истины – и правдой лжи,
Ты, меня любивший – дальше
Некуда! – За рубежи!
Ты, меня любивший дольше
Времени. – Десницы взмах! –
Ты меня не любишь больше:
Истина в пяти словах.
12 декабря 1923

Двое

1

Есть рифмы в мире сём:
Разъединишь – и дрогнет.
Гомер, ты был слепцом.
Ночь – на буграх надбровных,
Ночь – твой рапсодов плащ,
Ночь – на очах – завесой.
Разъединил ли б зрящ
Елену с Ахиллесом?
Елена. Ахиллес.
Звук назови созвучней.
Да, хаосу вразрез
Построен на созвучьях
Мир, и, разъединен,
Мстит (на согласьях строен!)
Неверностями жен
Мстит – и горящей Тройей!
Рапсод, ты был слепцом:
Клад рассорил, как рухлядь.
Есть рифмы – в мире том
Подобранные. Рухнет
Сей – разведешь. Чтó нужд
В рифме? Елена, старься!
...Ахеи лучший муж!
Сладостнейшая Спарты!
Лишь шорохом древес
Миртовых, сном кифары:
«Елена: Ахиллес:
Разрозненная пара».
30 июня 1924

2

Не суждено, чтобы сильный с сильным
Соединились бы в мире сём.
Так разминулись Зигфрид с Брунгильдой,
Брачное дело решив мечом.
В братственной ненависти союзной
– Буйволами! – на скалу – скала.
С брачного ложа ушел, неузнан,
И неопознанною – спала.
Порознь! – даже на ложе брачном –
Порознь! – даже сцепясь в кулак –
Порознь! – на языке двузначном –
Поздно и порознь – вот наш брак!
Но и постарше еще обида
Есть: амазонку подмяв, как лев, –
Так разминулися: сын Фетиды
С дочерью Аресовой: Ахиллес
С Пенфезилеей.
О, вспомни – снизу
Взгляд ее! сбитого седока
Взгляд! не с Олимпа уже, – из жижи
Взгляд ее, – всё ж еще свысока!

Час души. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Что ж из того, что отсель одна в нем
Ревность: женою урвать у тьмы.
Не суждено, чтобы равный – с равным...

. . . . .
Так разминовываемся – мы.
3 июля 1924

3
В мире, где всяк
Сгорблен и взмылен,
Знаю – один
Мне равносилен.
В мире, где столь
Многого хотим,
Знаю – один
Мне равномогущен.
В мире, где всё –
Плесень и плюц,
Знаю: один
Ты – равносущ
Мне.
3 июля 1924

Под шалью
Запечатленный, как рот оракула, –
Рот твой, гадавший многим.
Женщина, что от дозору спрятала
Меж языком и небом?
Уж не глазами, а в вечность дырами
Очи, котлом ведёрным!
Женщина, яму какую вырыла
И заложила дёрном?
Располагающий ста кумирнями
Идол – не столь заносчив.
Женщина, что у пожара вырвала
Нег и страстей двуночных?
Женщина, в тайнах, как в шаях, ширишься,
В шаях, как в тайнах, длишься.
Отъединенная – как счастливица –
Ель на вершине мгливой.
Точно усопшую вопрошаю,
Душу, к корням пригубившую..
Женщина, что у тебя под шалью?
– Будущее!
8 ноября 1924

Вшеноры

Попытка ревности
Как живется Вам с другою, –
Проще ведь? – Удар весла! –
Линией береговою
Скоро ль память отошла
Обо мне, плавучем острове
(По небу – не по водам!)
Души, души! – быть вам сестрами,
Не любовницами – вам!
Как живется Вам с простою
Женщиною? Без божеств?
Государыню с престола
Свергши (с онога сошед),
Как живется Вам – хлопочется –
Ежится? Встается – как?
С пошлиной бессмертной пошлости

Как справляетесь, бедняк?
«Судорог да перебоев –
Хватит! Дом себе найму».
Как живется Вам с любовью –
Избранному моему!
Свойственнее и съедобнее –
Снедь? Приестся – не пеняй...
Как живется Вам с подобием –
Вам, поправшему Синай!
Как живется Вам с чужою,
Здешнею? Ребром – любя?
Стыд Зевесовой вожжою
Не охлестывает лба?
Как живется Вам – здоровится –
Можется? Поется – как?
С язвою бессмертной совести
Как справляетесь, бедняк?
Как живется Вам с товаром
Рыночным? Оброк – крутой?
После мраморов Каррары
Как живется Вам с трухой
Гипсовой? (Из глыбы высечен
БОГ – и начисто разбит!)
Как живется Вам с сто-тысячной –
Вам, познавшему Лилит!
Рыночную новизною
Сыты ли? К волшбам остыв,
Как живется Вам с земною
Женщиною, без шестых
Чувств?..
Ну, за голову; счастливы?
Нет? В провале без глубин –
Как живется, милый? Тяжче ли?
Так же ли, как мне с другим?
19 ноября 1924

Приметы

Точно гору несла в подоле –
Всего тела боль!
Я любовь узнаю по боли
Всего тела вдоль.
Точно поле во мне разъяли
Для любой грозы.
Я любовь узнаю по дали
Всех и вся вблизи.
Точно нору во мне прорыли
До основ, где смоль.
Я любовь узнаю по жиле,
Всего тела вдоль
Стонущей. Сквозняком как гривой
Овеаясь, гунн:
Я любовь узнаю по срыву
Самых верных струн
Горловых, – горловых ущелий
Ржавь, живая соль.
Я любовь узнаю по щели,
Нет! – по трели
Всего тела вдоль!
29 ноября 1924

Любовь

Ятаган? Огонь?
Поскромнее, – куда как громко!
Боль, знакомая, как глазам – ладонь.

Как губам –
Имя собственного ребенка.
1 декабря 1924

Жизни

1

Не возьмешь моего румянца –
Сильного – как разливы рек!
Ты – охотник, но я не дамся,
Ты – погоня, но я есмь бег.
Не возьмешь мою душу живу!
Так, на полном скаку погонь –
Пригибающийся – и жилу
Перекусывающий конь
Аравийский.
25 декабря 1924

2

Не возьмешь мою душу живу,
Не дающуюся, как пух.
Жизнь, ты часто рифмуешь с: лживо, –
Безошибочен певчий слух!
Не задумана старожилом!
Отпусти к берегам чужим!
Жизнь, ты явно рифмуешь с жиром.
Жизнь: держи его! жизнь: нажим.
Жестоки у ножных костяшек
Кольца, в кость проникает ржа!
Жизнь: ножи, на которых пляшет
Любящая.
– Заждалась ножа!
28 декабря 1924

«Жив, а не умер...»

Жив, а не умер
Демон во мне!
В теле – как в трюме,
В себе – как в тюрьме.
Мир – это стены.
Выход – топор.
(«Мир – это сцена», –
Лепечет актер.)
И не слукавил,
Шут колченогий.
В теле – как в славе,
В теле – как в тоге.
Многие лета!
Жив – дорожи!
(Только поэты
В кости – как во лжи!)
Нет, не гулять нам,
Певчая братья,
В теле, как в ватном
Отчем халате.
Лучшего стоим.
Чахнем в тепле.
В теле – как в стойле,
В себе – как в котле.
Бранных не копим
Великолепий.
В теле – как в топи,
В теле – как в склепе,
В теле – как в крайней
Ссылке. – Зачах!

В теле – как в тайне,
В висках – как в тисках
Маски железной.
5 января 1925

«Дней сползающие слизи...»
Дней сползающие слизи,
...Строк подённая швея...
Что до собственной мне жизни?
Не моя, раз не твоя.
И до бед мне мало дела
Собственных... – Еда? Спатьё?
Что до смертного мне тела?
Не мое, раз не твое.
январь 1925

«Рас-стояние: вёрсты, мили...»
Б. Пастернаку

Рас-стояние: вёрсты, мили...
Нас рас-ставили, рас-садили,
чтобы тихо себя вели,
По двум разным концам земли.
Рас-стояние: вёрсты, дали...
Нас расклеили, распаяли,
В две руки развели, распяв,
И не знали, что это – сплав
Вдохновений и сухожилий...
Не рассóрили – рассорили,
Расслоили...
Стена да ров.
Расселили нас, как орлов –
Заговорщиков: вёрсты, дали...
Не расстроили – растеряли.
По трупам земных широт
Рассовали нас, как сирот.
Который уж – ну который – март?!
Разбили нас – как колоду карт!
24 марта 1925

«Русской ржи от меня поклон...»
Русской ржи от меня поклон,
Ниве, где баба застится...
Друг! Дожди за моим окном,
Беды и блажи на! сердце...
Ты, в погудке дождей и бед –
То ж, что Гомер – в гекзаметре.
Дай мне руку – на весь тот свет!
Здесь – мои обе заняты.
7 мая 1925

Вшеноры

«Никуда не уехали – ты да я...»
Никуда не уехали – ты да я –
Обернулись прорехами – все моря!
Совладельцам пятерки рваной –
Океаны не по карману!
Нищеты вековечная сухомять!
Снова лето, как корку, всухую мять!
Обернулось нам море – мелью:
Наше лето – другие съели!
С жиру лопающиеся: жир – их «лоск»,
что не только что масло едят, а мозг
Наш – в поэмах, в сонатах, в сводах:
Людоеды в парижских модах!
Нами лакомящиеся: франк – за вход.
О, урод, как водой туалетной – рот

Час души. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Сполоснувший – бессмертной песней!
Будьте прокляты вы – за весь мой
Стыд: вам руку жать, когда зуд в горсти,
Пятью пальцами – да от всех пяти
Чувств – на память о чувствах добрых –
Через всё вам лицо – автограф!
1932–лето 1935

«Вскрыла жилы: неостановимо...»
Вскрыла жилы: неостановимо,
Невосстановимо хлещет жизнь.
Подставляйте миски и тарелки!
Всякая тарелка будет – мелкой,
Миска – плоской.
Через край – и мимо –
В землю черную, питать тростник.
Невозвратно, неостановимо,
Невосстановимо хлещет стих.
6 января 1934

«Тоска по родине! Давно...»
Тоска по родине! Давно
Разоблаченная морока!
Мне совершенно всё равно –
Где – совершенно одинокой
Быть, по каким камням домой
Брести с кошелюкою базарной
В дом, и не знающий, что – мой,
Как госпиталь или казарма.
Мне всё равно, каких среди
Лиц – ощетиниваться пленным
Львом, из какой людской среды
Быть вытесненной – непременно –
В себя, в единоличье чувств.
Камчатским медведём без льдины
Где не ужиться (и не тшусь!),
Где унижаться – мне едино.
Не обольщусь и языком
Родным, его призывом млечным.
Мне безразлично – на каком
Непонимаемой быть встречным!
(Читателем, газетных тонн
Глотателем, доильцем сплетен...)
Двадцатого столетья – он,
А я – до всякого столетья!
Остолбеневши, как бревно,
Оставшееся от аллеи,
Мне всё – равны, мне всё – равно,
И, может быть, всего равнее –
Роднее бывшее – всего.
Все признаки с меня, все меты,
Все даты – как рукой сняло:
Душа, родившаяся – где-то.
Так край меня не уберег
Мой, что и самый зоркий сыщик
Вдоль всей души, всей – поперек!
Родимого пятна не сыщет!
Всяк дом мне чужд, всяк храм мне пуст,
И всё – равно, и всё – едино.
Но если по дороге – куст
Встает, особенно – рябина...
1934

Куст

1

Что́ нужно кусту от меня?
Не речи ж! Не доли собачьей
Моей человечесьей, кляня
Которую – голову прячу
В него же (седей – день от дня!).
Сей мощи, и плéщи, и гущи –
Что́ нужно кусту – от меня?
Имущему – от неимущей!
А нужно! иначе б не шел
Мне в очи, и в мысли, и в уши.
Не нужно б – тогда бы не цвел
Мне прямо в разверстую душу,
Что только кустом не пуста:
Окном моих всех захолустий!
Что́, полная чаша куста,
Находишь на сем – месте пусте?
Чего не видал (на ветвях
Твоих – хоть бы лист одинаков!)
В моих преткновения пнях,
Сплошных препинания знаках?
А вот и сейчас, словарю
Придавши бессмертную силу, –
Да разве я то́ говорю,
Что знала, – пока не раскрыла
Рта, знала еще на черте
Губ, той – за которой осколки..
И снова, во всей полноте,
Знать буду – как только умолкну.

2

А мне от куста (не шуми
Минуточку, мир человечесий!)
А мне от куста – тишины:
Той, – между молчаньем и речью,
Той – можешь ничем, можешь – всем
Назвать: глубока, неизбывна.
Невнятности! наших поэм
Посмертных – невнятицы дивной.
Невнятицы старых садов,
Невнятицы музыки новой,
Невнятицы первых слогов,
Невнятицы Фауста Второго.
Той – до всего, после всего.
Гул множеств, идущих на форум.
Ну – шума ушного того,
Всё соединилось – в котором.
Как будто бы все кувшины
Востока – на лобное всхолмье.
Такой от куста тишины,
Полнее не выразишь: полной.
Около 20 августа 1934

Сад

За этот ад,
За этот бред
Пошли мне сад
На старость лет.
На старость лет,
На старость бед:
Рабочих – лет,
Горбатовых – лет...
На старость лет
Собачьих – клад:
Горячих лет –

Прохладный сад...
Для беглеца
Мне сад пошли:
Без ни – лица,
Без ни – души!
Сад: ни шажка!
Сад: ни глазка!
Сад: ни смешка!
Сад: ни свистка!
Без ни-ушка
Мне сад пошли:
Без ни-душкá!
Без ни-души!
Скажи: – Довольно мýки – нá
Сад – одинокий, как сама.
(Но около и сам не стань!)
Сад, одинокий, как я сам.
Такой мне сад на старость лет...
– Тот сад? А может быть – тот свет? –
На старость лет моих пошли –
На отпущение души.
1 октября 1934

Из цикла «Надгробие»

1

«Иду на несколько минут...»
В работе (хаосом зовут
Бездельники) оставив стол,
Отставив стул – куда ушел?
Опрашиваю весь Париж.
Ведь в сказках лишь да в красках лишь
Возносятся на небеса!
Твоя душа – куда ушла?
В шкафу – двустворчатом, как храм, –
Гляди: все книги по местам,
В строке – все буквы налицо,
Твое лицо – куда ушло?
Твое лицо,
Твое тепло,
Твое плечо –
Куда ушло?
3 января 1935

2

За то, что некогда, юн и смел,
Не дал мне заживо сгнуть меж тел
Бездушных, замертво пасть меж стен –
Не дам тебе – умереть совсем!
За то, что за руку, свеж и чист,
На волю вывел, весенний лист –
Вязанками приносил мне в дом! –
Не дам тебе – порости быльем!
За то, что первых моих седин
Сыновней гордостью встретил – чин,
Ребьячьей радостью встретил – страх –
Не дам тебе – поседеть в сердцах!
7–8 января 1935

Из цикла «Стихи сироте»

1

Ледяная тиара гор –
Только брэнному лику – рамка.
Я сегодня плющу – пробор
Провела на граните замка.

Я сегодня сосновый стан
Обгоняла на всех дорогах.
Я сегодня взяла тюльпан –
Как ребенка за подбородок.
16–17 августа 1936

2

Обнимаю тебя кругозором
Гор, гранитной короной скал.
(Занимаю тебя разговором –
чтобы легче дышал, крепче спал.)
Феодального замка боками,
Меховыми руками плюща –
Знаешь – плющ, обнимающий камень –
В сто четыре руки и ручья?
Но не жимолость я – и не плющ я!
Даже ты, что руки мне родней,
Не расплющен, а вольноотпущен
На все стороны мысли моей!
... Кругом клумбы и кругом колодца,
Куда камень придет – седым!
Круговую порукой сиротства, –
Одиночеством – круглым моим!
(Так вплелась в мои русые пряди –
Не одна серебристая прядь!)
...И рекой, разошедшейся на! две –
Чтобы остров создать – и обнять.
Всей Савойей, и всем Пиемонтом,
И – немножко хребет надломля –
Обнимаю тебя горизонтом
Голубым – и руками двумя!
21–24 августа 1936

3

Наконец-то встретила
Надобного – мне:
У кого-то смертная
Надоба – во мне.
Что для ока – радуга,
Злаку – чернозем –
Человеку – надоба
Человека – в нем.
Мне дождя, и радуги,
И руки – нужней
Человека надоба
Рук – в руке моей.
Это – шире Ладоги
И горы верней –
Человека надоба
Ран – в руке моей.
И за то, что с язвою
Мне принес ладонь –
Эту руку – сразу бы
За тебя в огонь!
11 сентября 1936

«В синее небо ширя глаза...»
В синее небо ширя глаза –
Как восклицаешь: – Будет гроза!
На проходимца вскинувши бровь –
Как восклицаешь: – Будет любовь!
Сквозь равнодушья серые мхи –
Так восклицаю: – Будут стихи!
1936

«Ушел – не ем...»
Ушел – не ем:
Пуст – хлеба вкус.

Всё – мел,
За чем ни потянусь.
...Мне хлебом был,
И снегом был.
И снег не бел,
И хлеб не мил.
23 января 1940

«Пора! для этого огня...»
– Пора! для этого огня –
Стара!
– Любовь – старей меня!
– Пятидесяти январей
Гора!
– Любовь еще старей:
Стара, как хвощ, стара, как змей,
Старей ливонских янтарей,
Всех привиденских кораблей
Старей! – камней, старей – морей...
Но боль, которая в груди,
Старей любви, старей любви.
23 января 1940

«Годы твои – гора...»
– Годы твои – гора,
Время твое – царей.
Дура! любить – стара.
– Други! любовь – старей:
Чудищ старей, корней,
Каменных алтарей
Критских старей, старей
Старших богатырей...
29 января 1940

«Пора снимать янтарь...»
Пора снимать янтарь,
Пора менять словарь,
Пора гасить фонарь
Наддверный...
Февраль 1941

«Всё повторяю первый стих...»
Я стол накрыл на шестерых...

Всё повторяю первый стих
И всё переправляю слово:
– «Я стол накрыл на шестерых»...
Ты одного забыл – седьмого.
Невесело вам вшестером.
На лицах – дождевые струи...
Как мог ты за таким столом
Седьмого позабыть – седьмую..
Невесело твоим гостям,
Бездействует графин хрустальный.
Печально – им, печален – сам,
Непозванная – всех печальней.
Невесело и несветло.
Ах! не едите и не пьете.
– Как мог ты позабыть число?
Как мог ты ошибиться в счете?
Как мог, как смел ты не понять,
Что шестеро (два брата, третий –
Ты сам – с женой, отец и мать)
Есть семеро – раз я на свете!
Ты стол накрыл на шестерых,
Но шестерыми мир не вымер.

Час души. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Чем пугалом среди живых –
Быть призраком хочу – с твоими,
(Своими...)
Робкая как вор,
О – ни души не задевая! –
За непоставленный прибор
Сажусь незваная, седьмая.
Раз! – опрокинула стакан!
И все, что жаждало пролиться, –
Вся соль из глаз, вся кровь из ран –
Со скатерти – на половицы.
И – гроба нет! Разлуки – нет!
Стол расколдован, дом разбужен.
Как смерть – на свадебный обед,
Я – жизнь, пришедшая на ужин.
..Никто: не брат, не сын, не муж,
Не друг – и всё же укоряю:
– Ты, стол накрывший на шесть – душ,
Меня не посадивший – с краю.
6 марта 1941

Примечания

1 Привет! (итал.).

2 «Не раскидывайте мои письма!» (фр.)

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://tsvetaevamarina.ru/> Приятного чтения!
<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы,
недвижимость. Здоровый образ жизни.
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет
магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных
сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография
<http://dostoevskiyfyodor.ru/>
сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!